

УДК 94(439)+94(47)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/5

О РУССКОМ ПЛЕМЕНИ В ДУНАЙСКОМ ЗАЛЕСЬЕ

А. Кочубинский

Резюме

Статья представляет собой дополненный доклад на VII Археологическом съезде в Ярославле. А. Кочубинский проводит параллели между финно-славянским Залесьем Верхней Волги, где русские славяне ассимилировали финно-угорские племена, и Дунайским Залесьем (Средний Дунай, Трансильвания, Семиградия), где русский элемент выступил «в пассивной роли поглощенных нами финнов Волжского Залесья». Автор приводит многочисленные топонимы, гидронимы, орографы, свидетельствующие о давности проживания русского населения (русинов) в Трансильвании.

Своим докладом исследователь хотел обратить внимание русских ученых на «забытое» Придунайское Залесье. Изучение истории русского (русинского) населения Трансильвании поможет объяснить историю происхождения этнонима «русский» и понятия «Русская земля»

Ключевые слова: А. Кочубинский, русины, Венгрия, Дунайское Залесье, Трансильвания, валахи, румыны.

REGARDING THE RUSSIAN TRIBE IN THE DANUBIAN “LANDS BEYOND THE WOODS”

A.A. Kochubinskii

Abstract

The article presents as an additional lecture at the 7th Archeological Meeting in Yaroslavl. A. Kochubinskii presents a parallel between the Finnish-Slavic “Lands Beyond the Woods” of the Upper Volga, where Russians assimilated the Finno-Ugrian Tribes, and the Danubian (Middle Danube, Transylvania, Siebenburgen) where the Russian element emerged in a “passive role of the assimilated Finns of the Volga “Beyond the Woods”. The author gives multiple toponyms, hydronyms, orographs which bear witness to the antiquity of the existence of the Russ population (Rusins) in Transylvania. In this article the author wanted to bring to the attention of Russian scholars the “forgotten” Danubian Lands “Beyond the Woods”. The study of the history of the Russian (Rusin)

population of Transylvania will help to explain the history of the origin of the ethnonym “Russian” and the meaning of the “Russian Land”.

Keywords: A.A. Kochubinskii, Rusins, Hungary, Danubian Lands “Beyond the Woods”, Transylvania, Vlachs.

1

В стране, где так осязательно слышится двуязычие топографических имен, немых свидетелей двух чередовавшихся племен (а с тем и культур) — автохтонного, финского и пришлого, славянского, естественно остановиться вниманием на области исторической этнографии.

«E linguae vestigiis gentis origines vestigare» — заповедь эту, заповедь новую в науке, завещал потомству Лейбниц, и эти *vestigia*, добываемые из гидрографических имен здешнего края (конечный слог *ga*: Вол-*га*, Тол-*га*, Моло-*га* и пр.), свидетельствуют, и вполне безобидно, что первое, хотя и слабое, но все же исторической жизни зерно положено было финнами; анализ же местных в тесном смысле имен (место — поселение, город) указывает, в свою очередь, на раннюю смену первичного населения более энергичным и более приспособленным арийским элементом в лице славян. Только такие имена, как Суздаль, редчайшими оазисами попадают среди славянской массы и нарушают гармонию в топонимии края¹.

Таким образом, не зная города финская жизнь сменилась городской, славянской; мы, рано вторгшись в северную территорию аборигенов Европы — финнов, дали ей иной характер, внесли в нее жизнь высшего типа.

Этот простой вывод из обзора топографических имен Верхнего Приволжья остается непоколебимым, как бы богаты ни были в будущем детальные исследования былой жизни края, как бы разнообразны ни были частные заключения.

¹ Имя города *Костромы* представляет затруднение для анализа, именно суффикс его *-ма*, но не корень. Ибо в великорусском наречии и в польском языке имеются существительные: *костра* = *кострина*, *kostra* почти с тождественным значением жесткого луба, коры в первом, жестких волокон льна во втором. Ср. и в чешском *kostrba* — косматый, *kostruka* — костыш пера. Может быть, того же образования и наше *костер*, и однозначнее с ним в чешском *kostra*. Наши же *кость*, *кострец* сюда не идут. В одном из рефератов наст. съезда было предложено толкование Костромы из языка чувашского: «истрескавшаяся-де от солнца земля». Но, помимо очень хитростного значения, заметим, что мало еще подобрать несколько близко звучащие слова или корни: таким приемом можно доказать все, и его наука должна крайне остерегаться. На самом деле не так просто «e vestigiis vestigare», как это может иногда казаться.

Из финно-славянского Залесья Верхней Волги перенесемся в иное, далекое Залесье Среднего Дуная, чтобы здесь попытаться е vestigiis linguae местной топонимии извлечь былой этнический характер края, воскресить народность его первообитателей. Мы говорим об обширной, но полутемной доселе Трансильвании (Transilvania). Здесь мы встретимся с нашей же картинкой — сменой двух народностей, двух культур, но при той оригинальной особенности, что здесь жизнь высшего типа сменилась низшей: но здесь мы, русские, славяне, найдем себя в пассивной роли поглощенных нами финнов волжского Залесья. Не везде, не всегда история дает плюс — явление известное.

2

Валах, румын, как он сам себя называет, т.е. романец, романизированный славянин, как нам думается, — вот господствующее, и в крупных массах, население Дунайского Залесья, иначе Трансильвании. Последнее название обязано канцелярскому латинскому языку старой Венгрии: в грамотах ее то «*ultra sylvas*», то «*trans sylvas*»; отсюда перевели мадьяры свое «*Erdély*» — из *erdö* — лес и частицы *el* — далее, чрез (ср. *erdöntuli* — по ту сторону леса находящийся, т.е. *transylvanus*); от мадьяр уже взяли румыны свое Ардеал¹. Что же касается нашего Семиградия, то это рабский перевод немецкого *Siebenbürgen*, а этот термин, в свою очередь, образовался, по народному недомыслию или осмыслению местных немцев, из великомадьярского имени главного города Трансильвании, Германштадта — Сибин, по речке того же имени (*Szeben*): сначала *Ssiben-burg*, затем *Sieben-bürgen*.

Сплошной валахский фон этнографической картины современной Трансильвании слегка варьируется оазисом немецких поселений на юге около Германштадта, на севере по реке Быстрице (*Feistritz* у немцев, *Bestersze* у мадьяр и в грамотах XII—XIII столетия) и пятном густых поселений мадьяр-секлеров (последнее имя в связи с мадьярским глагольным корнем *szek*, откуда *szekeb* — жить, обитать, *szek-hely* — обиталище, следовательно, поселенцы, колонисты) на востоке, по самой границе с Молдавией. Болгары, сербы, армяне, греки, цыгане составляют такую ничтожную крупницу, не только в отдельности, но и вместе, что в этнографический расчет входить не могут. Ничтожны эти элементы были и в прошлом столетии, как

¹ Terra *ultra sylvas*, с точки зрения мадьяр, расположившихся главным образом в Паннонии. И сегодня главное зерно, масса мадьярского народа на пространстве между Дунаем и горами Штирии. В последнее время явилась попытка самое мадьярское название Трансильвании вывести из латинского (румынского) языка (о ней у нас ниже); но она — плод увлечения.

свидетельствует, напр., того времени знаменитый историк-этнограф Иосиф *Benkő* в своей классической «Transsylvania» (о ней ниже). То же должно сказать и о собственно мадьярах — немногих помещиках, чиновниках.

Немецкие поселенцы — это пришлецы с половины XII века, именно с нижнерейнских краев, отсюда в современных грамотах их титул «*plantatio flamaniensis*» — из Фландрии. Секлеры — с X–XI столетия, ибо только в конце IX сами мадьяры утвердились в Паннонии, на Среднем Дунае, в исторической епархии св. Мефодия, предстоятеля славянской церкви Мораво-Паннонской, и отсюда уже могли пройти за горы, за леса, в *Erdő-el*¹.

Ввиду указанного распределения этнографических элементов в современной Трансильвании естественно полагать, что валах, основной слой населения сегодня, был с тем же характером и лет, например, за тысячу назад. Но этого и не было. Если мы даже, вопреки популярной, но сбитой кое-как теории Рёсслера, допустим более вероятную, более правдоподобную гипотезу о присутствии на Северном Дунае валахской стихии в эпоху свв. Кирилла и Мефодия (мы не касаемся размеров, количеств ее), то тем не менее не только о бок с этой стихией, но элементом доминирующим тогда мы должны, безусловно, признать иной элемент, воскрешаемый *e vestigiis тонографических* имен края. Этим элементом были славяне.

Таким образом, валах доминирует в жизни страны, славянин — в ее топонимии.

Орография (в порядке азбучном):

Бык — вершина на с.-востоке.

Быстричора, откуда вытекает река Быстрица.

Волкан (на юге).

Вуран — *Верх* (или, как обыкновенно произносят валахи, — Верф).

Дед, у мадьяр *Det-hegy*, где *hegy* значит хребет, гора.

Дел (у валахов *dealu* ибо *e = ea* в их устах). Ср. в Карпатах, у русских — *Дия*, с *e = u*, гора, хребет².

¹ «Весьма вероятно, — говорит современный этнограф Венгрии, известный профессор Пав. Hunfalvy, — что уже около 950 года мадьяры заняли Трансильванию» («*Ethnographie von Ungarn*», в переводе Schnicker'a, Budapest, 1877, p. 142). Здесь разумеется исключительно политическое занятие. Отсюда в XI столетии страна иногда называлась «*Ungria nigra*», т. е. мадьярами не заселенная (там же, p. 228).

² Конечно, у румынских ученых, у которых на первом месте фантастический патриотизм, имя *дел* румынского происхождения и от румын перешло к славянам — иначе оно в славянском языке «необъяснимая загадка». «*In limba slavica дел (!) wie si insemnarea de munte si la acestu — a refere*

Обрина (ср. в старослав. яз. *обр* – *gigas*, в чешском – *ов*, *obrovsky* – чудовище, чудовищных размеров).

Прислон (Priszlop).

Русска, т. е. гора (Ruszka у мадьяр, Russberg у немцев) на юго-западе, откуда Черна, приток Мароша.

Стол (у мадьяр Astalko, от *astal* из слав. *стол*).

Темного происхождения *Batra*, *Batrina* (хотя, несомненно, *-ина* славянский суффикс и прямо Батрина – прилагательная форма от Батра; последнее не от *ватра* ли, со значением *огонь?*), *Sarmas*, *Bumasza*, *Sakedat*.

Гидрография:

Быстрица (Feistritz, Beszterche), главный приток Самоша. Где славянин, там и Быстрица. Вспомним и наше *быстрина*, синоним старослав. бръзина *fluentum*.

Думбрава (Dumbrava), буквально = старослав. **ДЖЕРАВА**. В уменьшительной форме приток Дуная, на котором лежит Букарешт – Dumbovita. Вспомним массу местных имен в нынешней Румынии – гор, поселений, долин, в основной или ласкательных формах: Dumbrava – 8 раз, Dumbrăvita – 6 раз, побочные: Dumbravu – гора и долина, Dumbrăveni – 5 раз, Dumbrăvesci – 2 раза¹. Уже само присутствие этого славянского имени в топонимии бассейна Нижнего Дуная говорит о его старине.

Злата, небольшой горный поток, слева в Марош. Заключаем по этому славянскому названию притока в виду: 1) имени его у мадьяр, которые буквально перевели *Aranyos* (так он теперь сливет), от *arany* – золото; 2) имени некогда славянского города, горнопромышленного поселения: у мадьяр *Zalatna*, у румын *Zlanka*, у немцев *Schlaten* и *Goldmarkt*, в старом официальном языке – *Auraria*. Мадьяр, румын и немец, каждый соответственно с требованием своего языка, сделал перемену, но столь малую, что первоначальный славянский облик просвечивается ясно.

Красна, приток Самоша наверху.

invetiatiulu slavistu (т. е. акад. Миклошич в своем знаменитом мемуаре) si romanesculu *dealu*, – говорят Lauriami и Massimu в своем «Glossariu... vorbele d'on limba romana straine» (Bucuresci, 1876), – dero in limba slavica cuventulu sta de totu isolutu (!), pre candu in romanesce se afla intr' una familia destulla de intensa: *delutiu* etc.; dero in limba slavica cuventulu este una enigma inesplicabile, si prin urmare cu mai multu dereptu, pote cineva afirma, co cuventulu d'in limba romana a trecut in cea slava» (p. 220, 2 столбец).

¹ Frundescu Dimitrie «Dictionaru topograficu si statisticu alu Romaniei», Bucuresci, 1872, p. 178.

Лопушник, приток Мароша, отыменное имя от лопух, а в связи с лапа, литовским *lapas ein Blatt am Baum* и пр. Ср. румынское *laba* из славянского *лапа*.

Поток – в названиях поселений *Sar-Patak, Koros-Patak* и пр., естественно, по местным речкам – потокам: славянское имя *поток* в мадьярских устах *patak*.

Топлица, в различных местах страны. Название в связи с особыми свойствами воды. Ср. Теплу, на которой лежит знаменитый Карлсбад, не замерзающую у последнего и зимой.

Черна, горный приток Мароша и тот знаменитый приток Дуная, на котором стояла *Colonia Csernensis* императора Траяна.

В то время как небольшие реки (притоки, ручьи) крещены были от славянского языка, три главные реки, прорезывающие альпийский край Залесья от востока на запад – *Aluta-Olta, Marosh* и *Самош*, названиями своими относятся к эпохе до Рождества Христова, как первые две или как Самош – темного происхождения, хотя крупный приток его наверху носит славянское имя – Быстрица. Сохранение же старых имен за главными реками и новая славянская топонимия для вод побочных говорит о направлении или этапах постепенно усиливавшейся славянской колонизации – от низу к верху, от долины к горе и в горы. Таков общий закон заселения альпийских краев.

3

Но если в Залесье Верхней Волги автохтонный финский элемент ограничивается гидрографическими названиями, то в Залесье Дунайском заступающий его элемент славянский ограничения этого не знает. И названия населенных мест с различными культурно-историческими напоминаниями и указаниями здесь того же славянского характера, и само число их поразительно. Оговариваемся наперед, что эти названия или звучат чисто по-славянски и сегодня, или легко узнаются под современной их мадьярской и румынской формами, или предлагают простой перевод со славянского. Если археолог справедливо дорожит каждой безделушкой, вырывающейся из тысячелетней могилы, то с тем возбужденнейшим чувством относится испытатель языка к топографическому материалу полумифического края. Он равнодушным быть не может, когда перед ним из-под мертвых имен встает целый живой народ, когда (да извинят вольность!) его лингвистический заступ выносит на свет из мрака веков целую цивилизацию. Но неравнодушие его усиливается сознанием, что из-под могил этих заговорят к нему родным языком.

1) Начнем с простых невзрачных поселений при двух названиях: официальном мадьярском и обыденном румынском, причем из массы их выбираем немногие, например сохранившие ринезм.

Domb, рум. *Dimba*; *Dombro*, рум. *Dumbrava* – оба от ст.-слав. **ДЪБЪ**. Ср. выше.

Golumba и *Galamb-falva*, от **ГОЛЪБЪ**.

Gombacz, от **ГЪЖКА**.

Glimboka, от прилаг. **ГЛЪБЪКЪ**.

Gerend, вал. *Grind*, от **ГРЪДА**.

Lunka, от **ЛЖКА**, восемь поселений.

Deva, мадьярск. *Dyeva*, от *дева*.

Pestere (*s = ш*) от *пештера*.

Strazsa (*zs = ж*), от *стража*.

Ternavizca, от *трень* (в выговоре *терн*).

Cserna, от прил. *чрьнь* и др.

2) Города

Fejér-vár Dobra, что у немцев бесцветный *Karlsburg*: мадьярский термин – буквальный перевод славянского *Белград*, почему по-латыни *Alba-Carolina*.

Vaszar-hely, но у валахов *Гредиште* и *Градиште*.

Kapnik-banya, т. е. Копник, копальня, место добычи металла или минерала, как это и объясняется второй частью и также славянской – *banya*: *ban'a* в словацком языке *Erzgrube*, *Bergwerk*, в галицко-руском – рудокопня тож.

Kolos-var, у немцев *Klausen-burg*. Раньше, как показывают латинские грамоты XIII столетия, название этого города звучало *Klus-var* или просто *Klus* (читай Ключ) – из слав. *ключ*. Память этой именно связи мы усматриваем в латинском имени города – *Claudio-polis*, где первая часть – *Claudio*, по лживому народному осмыслению, вместо *Clavi*, при *clavis* – ключ, подставлено собственное личное имя на место нарицательного *ключ*¹.

Kraszna.

Прибавим еще немецкие города: *Bistritz* на севере и *Reussmarkt* на юге, между Германштадтом и Белградом. *Reussmarkt* иначе пишется *Reissmarkt*, *Russmarkt* и в старину *Forum Ruthenorum*, т.е. Русский Торг, Торжок. Следовательно, у немца буквальный перевод.

Мы выключаем чисто мадьярские города, напр. у секлеров, хотя и звучат они чисто по-славянски как *Pentek*, *Csek-Szereda*, просто *Szereda* у Градишта (на карте Кипперта и других немцев грубые ошибки: *Schereda* – по незнанию, что в мадьярской графике именно *sz = s*, славянскому *с*), ибо у мадьяр и сегодня названия дней недели или чисто славянские, живущие в их устах непосредственно от эпо-

¹ Ср. и *Roessler «Romanische Studien»*, Leipzig, 1870, 131, примеч.

хи св. Мефодия, взятые из языка его, именно от среды по субботы: *szereda, ctötörtök, pentek, szambath* (срѣда, четврѣтъкъ, пятъкъ, жеота), или образованы по типу того же славянского языка как *kedd* — вторник из *ket* — два. Следовательно, те города могли начать свою жизнь уже и позже, с эпохи мадьяр.

Возьмем ли карту расселения славян в IX веке, мы найдем массу *Белградов*. Ограничимся югом: Белград, что ныне Аккерман (турецкий буквальный перевод) у устья Днестра, Белград сербский, Белград венгерский (*Stuhlweissenburg, Fejer-var*) и даже Белград на территории теперь уже итальянской, на Адриатическом море. Вероятно, крупные укрепления и земляные, в противоположность старым деревянным укреплениям и старым небольшим городищам (вспомним деревянные укрепления даков на колонне Траяна), послужили поводом к этому столь популярному славянскому названию.

Но старее Белградов и важнее для исторических соображений градища, городища; старее Залесского Белграда — *Гредиште* = *Vaszarhely*, в глубине страны, на Мароше. Самое название говорит ясно о значении этого места в ту эпоху, когда Гредиште населяли не румыны, а те, в языке которых это имя имеет общее знаменание укрепленного пункта — славяне. Не лишено для историка особенного интереса то обстоятельство, что именно на месте этого Гредишта (*Vaszarlehy*) стояла знаменитая Сермигетуза, укрепленная столица полумифических даков, причем второго Гредишта не имеется.

Переходим теперь к местным именам особенно культурного значения. Эти имена произведены от немногих славянских слов, но слов высоколюбопытных, а самих имен много.

4

Если в настоящее время Восточные Карпаты — центральный пункт добычи каменной соли в Европе, снабжающий этим дорогим минералом массу земель на север к Балтийскому морю, то это культурно-торговое значение их идет от глубокой старины.

Каждый из нас знает лично или понаслышке знаменитые соляные копи Бохни и Велички, но не ими началась добыча соли в Карпатах. Они с XII и XIII столетий. Величка известна с половины XII столетия: часть соляных доходов ее шла на первые монастыри старой Польши; Бохня же основана только в 1253 году, когда князь Болеслав выдал привилегию на соляной промысел здесь некоему Николаю из силезского Лигница¹. Много раньше их их современное торгово-промышленное значение имел альпийский край в тылу — наше Залесье.

¹ «Slovník geografický Polski», варшавское издание, s. v.

Возьмем карту собственно Венгрии.

В углу, образуемом Средним Самошем, на меже с Трансильванией, лежит комитат — венгерский *Szolnok* (Kőzer); на том же Самоше, но уже в Трансильвании, лежит другой комитат того же имени — *Belső Szolnok*. Это имя за обоими смежными комитатами идет от старинных документальных свидетельств, напр. грамот. В местных грамотах это имя пишется многоразлично: *Zonnuk* (1197 г.), *Zaunuk* (1199 года), *Zanogh* (того же), *Zonukien* (1213 года), и только в грамоте 1238 года почти правильно: *Zolnuk*¹. Это мадьярское имя. *Szolnok* (*sz* = нашему *с*) сами мадьяры ведут из славянского языка, именно *szolnok* — необходимая по свойству вокализма мадьярского языка переделка славянского *со́льник*, первое значение которого — место добычи соли, соляная россыпь, *fodina salis*. Валахи сохранили то же славянское слово в своем языке, но с вторичным суффиксом: рум. *солнице* значит соляная россыпь. Прибавим, что и само слово для соли мадьяры взяли от славян: соль по-мадьярски *so*, отсюда *sóakna* *Salzwerk*, *Salzgrube* (об *akna* — ниже), *sóbánya* с тем же значением (о *bánya* — ниже). Долгое *o* в *só* — память опущенного *l*, как и в сербохорватском, где также *so* (=соо) из *со́ль*².

Усвоение и утверждение мадьярами навсегда соляного имени из славянского языка за целыми двумя комитатами говорит ясно, что разработку здесь соли застали мадьяры при появлении своем в Карпатах, и что промысел этот находился в цветущем состоянии, а хозяевами его были местные славяне. Начало же соляного промысла падает в седую старину — это ясно из предыдущего.

Но еще любопытнее сольника второе соляное название в топонимии края с тем же значением *salifodina* и того же славянского происхождения.

Карта Трансильвании унижена местным названием *Akna* — в устах

¹ Грамоты тщательно собраны в капитальном издании Венской академии наук: «*Fontes rerum Austriacarum*», II. *Diplomata et acta v. XV*, «*Urkundenbuch zur Geschichte Siebenbürgens*», I. Th., herausgegeben von G.D. Teutsch und Fr. Firnhaben, Wien, 1857. Большинство грамот этих перепечатано с не везде удачными вариантами, недавно в известном румынском собрании E. Hurmuzahi «*Documente privitoare la Istoria Românilor culese de —, publicăte sub auspiciile Academiei Române*», vol. I, 1199—1345, Bucuresti, 1887. Мы пользуемся главным образом венским изданием — и здесь, и ниже.

² Hunfalvy, делая замечания на книгу Jung'a «*Roemor und Romanen*» (1877), указывает: «Und in Siebenbürgen sollte sich das Römerthum erhalten haben, wiewohl es sogar den römischen Namen des Salzes vergessen konnte? Denn heutzutage finden wir überall in Siebenbürgen und der Walachey, wo Salzbergwerke waren und noch sind, die slawischen Namen *Szolnak*, *Slanik*, *Akna* («*Litterarische Berichte aus Ungarn*», I, 2. Heft, p. 240).

мадьярских, Окна — в устах румынских. 2 города и 6 поселений носят это название и, как показывают грамоты XII—XIII века, с очень старого времени¹. О нарицательном значении самого термина мы можем догадываться уже из названий тех же мест у немцев: Акна у них то *Salzburg*, то *Salzgruben*, то *Salzdorf*. Поселившиеся с половины XII столетия немцы переводили существовавшие названия. Выражения грамот только что в сноске указанная переводятся «соляные копи, что называются Акна». Но обращаемся к самому мадьярскому языку.

Akna — мина, подкоп, яма в земле; отсюда *aknasz* — сапер; *alaaknaz* — везти мины В сложении: *só-akna* — соляная копь. Откуда же это слово, столь укоренившееся в мадьярском языке? Заметим, что при заимствовании мадьярами славянских слов гласная *o* с ударением или без него меняется на *a*: *поток* — *patak*; **сжбота** (в носовом *o* гласный) — *szambat* и пр. Ввиду этого и нарицательное *akna*, и собственное имя *Akna* есть славянское *окно* (**ОКНО**). Что это действительно так, свидетельствует то же местное имя в устах румын: *Okna*. Но справка с румынским языком важна в другом отношении — в твердом установлении нарицательного значения термина *Akna*, *Okna*. Здесь есть слово **окнѣ** (*окнь*), и значит, именно *salis fodina* — соляная копь, россыпь. Но *akna* в языке мадьяр, *окна* и **окнѣ** в языке румын имеют один общий источник — славянский, славянское *окно*, побочная форма от *око* с суффиксом *н* и с общим значением дыры, отверстия, ямы в чем-либо, потом с значением более узким — дыры в земле, где разрабатывается соль, соляной копи. Наконец, от славян то же слово вошло и в среднегреческий язык — *ókva* — *foramen dolij*². Седая же старина самого слова *окно* указывается не только грамотами XII стол., но и глубоким водворением его в языке мадьяр и румын. Для истории же семасиологии слова *око* вспомним и развитие значения того же слова в литовском: *akis* — око, глаз; но то же *akis* — и дырка, отверстие в сыре и пр.

Ввиду всего вышесказанного можно безошибочно утверждать, что, где название *Akna*, *Okna* встречается в стране, там были действительным добычи соли; повторяемость же самого названия говорит о широком распространении в стране соляного промысла. Уже почти излишне упоминать, что этот драгоценный в быту минерал — каменная соль «*sal terrestris*» грамот³ — в «окнах» добывался славянскими

¹ *Deutsch-Firnhaber*: villa de Acna, 1197 года; «... et salifodinas que Akana vocantur»; 1222 года (№ XVIII); «...salis fodinas etiam que Acuna vocantur», 1222 года (№ XIX).

² *Du-lange*, «Glossarium med. graec.», 1036, s. v.

³ *Deutsch-Firnhaber*, стр. 55: «pro salibus vero terres tribus...» (1233 года).

руками, руками тех людей, из языка которых и получили те места свои названия Акна, Окна, которые познакомили с этой отраслью горного дела зашедших в X столетии мадьяр и формировавшихся в среде их румын. «Повсюду в целой Трансильвании и Валахии, где существовали или существуют и теперь соляные копи, мы, — говорит известный мадьярский этнограф, проф. Гунфалви, — встречаем славянские имена *Szolnok, Slanik, Akna*»¹.

Естественно, если ученики славянских «доисторических» солекопов повели добычу соли далее, открывали их в новых местах столь богатой солью Трансильвании. Выгодный же промысел при легком обложении налогом рано из добычи соли сделал государственную монополию.

Так, новые соляные россыпи у Торды жалуются от короля Стефана на корм главного капитула Трансильвании «*ecclesiae beati Michaelis Transylvaniae*»: «*Volumus igitur quod ipsa salifodina de Torda, — говорит в подтвердительной грамоте своего отца Стефана король Владислав в 1276 году, — capitulo per kariss. patrem nostrum donata et ex nom per nos confirmata adeo sit libera et exempta ab omnibus officialibus nostris et woywodis..., quod nullo tempore ipsa salifodina et laborantes in eo possint uel debeant per eos impediri et quod Sales in ea incisi, tam in yeme, quam in estate sint liberi omnino et quod per aquas et per terras descendant libere ac secure*»².

Церкви разрабатывали, рубили («*incisi*») соль свободно своими людьми «*populis*» под надзором своих *officiates*³: «*volumus et concedimus, — говорил король Андрей в грамоте 1233 года, — quod ecclesie libere portent sales suos ad acclesias ipsas, et ibi sub sigillo salinariorum et prelati ellius ecclejie, in qua sales deponuntur, qui pro tempore fuerint deponantur, depositique seruentur usque ad octanas S. Stephani vegis et tunc ab illo du usque ad natinitatem B. V. Marie (след. до начала осени) solnatur eis argentum pro salibus... secundum estimationem inferius adnotatam...*»⁴. Таким образом, торговая манипуляция с солью была приблизительно такая же, как нынче с табаком в Австрии. Цена на соль была невысока: «*pro salibus yero terrestribus dabimus inam marcam pro centum zuanis*». В городах были соляные склады, именно сольники. В самих же местах добычи соли король Андрей приказывал не продавать дороже, «*quam antiquitus vendi consuenerint ecclesiis, que consuenerunt emere sales*».

Таким образом, соляной промысел, начатый *antiquitus* — из эпохи

¹ «Literarische Berichte aus Ungarn», I Jahrgang, 2. Heft, p. 240. См. выше.

² *Deutsch*, op. c., p. 110.

³ Там же, следующая грамота.

⁴ Там же, p. 54.

домадьярской, развивался все более и более. Но о богатстве соляных копей в краю, о богатстве добычи свидетельствует низкая цена на соль еще в прошлом столетии. «Только за кусок в 80 фунтов, — говорит известный австрийский статистик того времени, — работник получал половину гроша; если же кусок менее весом, то не получал ничего»¹. Прибавим, что и в глазах этого статистика разработка неисчерпаемых соляных залежей в Трансильвании должна идти более тысячи лет², и что мы известное свидетельство Фульдской летописи 892 года о просьбе немецкого короля Арнульфа, обращенной к князю болгар, не снабжать мораван солью (буде об этом действительно пересылка была), можем понимать только в одном смысле — что речь шла о каменной соли из копей, из Окон Трансильвании, но не так, как объясняют это известие историки. Этнографу нередко приходится идти в дисгармонии с историком, противоречить «историческим» свидетельствам и выводам из них³. О старине добычи и вывозе карпатской соли и торговли ею мог бы сказать кое-что прелюбопытное и литовский язык своим оригинальным словом для соли — *drushas*; но об этом когда-нибудь будет речь отдельно.

Параллельно добыче каменной соли «*salis terrestris*» шла в Трансильвании и добыча, разработка второго горного богатства — металлов, и параллельно соляному термину в топонимии Залесья — *Окно* — идет металлический термин — *Баня*.

Действительно, такой альпийский край, как Трансильвания, славен не одной солью. Целый кряж гор, тянувшийся от Дуная на северо-восток и составляющий границу Венгрии и княжества Семиградского, носит имя *Рудных гор*: у немцев — *Siebenbürgisches Erzgebirge*,

¹ De Luca Ignac, «Geographie des Köm. Ungarn», Wien, 1791, p. 117.

² Там же, p. 115.

³ Уважаемый историк первых лет жизни мадьяр на Дунае профессор К.Я. Грот в своей книге «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» говорит, например, объясняя то летописное свидетельство: «Дело в том, что у болгар была своя морская соль, которой они и снабжали мораван, когда немцы запрещали последним вывозить их баварскую соль. На нынешний Мармарош власть болгар, во всяком случае, не простиралась. Из этого известия ясно скорее, что *трансильванские соляные копи не были вовсе известны в ту эпоху...*» (стран. 90, прим. 2). Не говоря о том, как мало вероятия для IX столетия предположение о доставке *черноморской соли* в Моравию и еще вверх по Дунаю, когда и позже, и сегодня такой коммерцией никто ни занимался и не занимается, как мало в нарисованной историко-культурной картинке Трансильвании XI века исторического!.. Этнограф имеет дело с объективными фактами, а историк — с субъективными засвидетельствованиями, отсюда и раздор у них. Язык же для этнографа, что микроскоп в руках натуралиста.

у мадьяр — *Erc-hedység* (здесь *erc* из нем. *Erz* — металл, руда, *hedy* — гора, кряж). Здесь, по восточному или трансильванскому склону этих Рудных гор, расположены теперь и располагались (как надеемся доказать) от праседой старины рудники, процветает и процветало горное рудное дело, бойко шла добыча разных металлов — от железа и до золота.

Известно, что императорские римляне ссылали в нашу Трансильванию *ad metalla*, т. е. каторжников: но мы не позволяем себе думать, чтобы эти «художники» были первыми учителями туземцев в металлургии, Фовелами их, ибо уже сам Геродот отметил агафюрсов как утопавших в болоте.

Чаще чем соляные города и поселения, чаще чем Окна, мы на карте Трансильвании встречаем сельбища рудокопные, встречаем названия: у мадьяр — *Banya* (читать — баня), у румын — *Baja* (т. е. с пропуском мягкого *y*), а именно: 9 населенных мест с именем *Banya*, 3 в уменьшительной форме — *Banyjka*, *Banyiczka* (суффикс *urka* — славянский) и 2 с тем же именем в сложении — *Banyabük*, мадьярское население *Baja-de-fjer*, т. е. железный рудник, валашское. Эти горнозаводские пункты расположены, как замечено выше, густой цепью по склону рудного кряжа вдоль его быстрых, горных потоков.

Но что за имя рудокопен *Banya*, *Baja*, откуда оно?

Нарицательное значение имени *Banya*, как и повод к появлению его в топонимии края, уже просвечивается в названиях, под которыми слынут некоторые из тех пунктов у местных немцев. Так, *Banya-Bük* у них *Buch-grub*, где первая часть *Buch* — грубое, механическое осмысление второй части мадьярского названия *Bük*, и это из слав. *бык*, как называется известная гора. Так, *Baja-de-fjer* у них же — *Eisen-hammer*, где вторая часть — *Hammer*, собств. молот, — подобное же осмысление из старого немецкого же имени — *Kammer*, рудник. Но вполне ясно значение имени *Banya* в мадьярском языке: *Banya* или в сложении — *ercbanya*, это немецкое *Erz-grube*; отсюда *bányász*. *Bergmann*, рудокоп. Первая же часть в *erc-banya*, *erc*, немецкое слово *Erz*.

Уже ввиду этого последнего обстоятельства — что для понятия вообще о руде, металле в мадьярском языке нет своего слова, а взято из немецкого (хотя мадьяры и вышли из-под рудоносного Урала), позволительно предположить, что и термин *banya*, рудник — не мадьярского происхождения.

Действительно, слово *banya* — происхождения славянского. В словацком языке *baňa* именно рудник, рудокопня, *banské mesto Bergstadt*; в чешском *báňe* тоже *Erzgrube*, *Bergwerk*, затем *Thurmknopf*, *Kuppel* (макушка башни, купол). Замечательно, что все

эти чешские значения слова *баня* имеет и язык русских, что в Карпатах Галичины: *баня* — минеральная или металлическая копь, затем купол. Общепринято, что столь распространенное в славянских языках слово *баня* есть, в свою очередь, позаимствование из кельтского языка, из седой эпохи доисторических сношений славян и кельтов. Что же касается до семасиологической связи между русским словом *баня* — место мытья и тем же словом в языке словаков, чехов, русских в Карпатах, *bana* — рудокопня, то она дается в представлении о месте для промывки нечистой руды, снабжавшемся каким-либо нехитрым деревянным приспособлением.

Но могут возразить: согласны в относительно славянском происхождении мадьярского слова *banya* — рудник; но мадьяры могли позаимствовать как первые сведения в горном деле, так и слово *banya* от словаков в Венгрии и затем уже лично открыть горное дело в Трансильвании, где оно было заброшено и забыто в вихре так назыв. переселения народов, в период (мифический) гепидов, после римлян. Следовательно, частая встреча слова *Banya* в топонимии Трансильвании еще ничего не говорит о принадлежности этого местного названия эпохе до мадьяр, а потому и известности рудного дела того времени. Ведь аналогичное толкование мы сами допустили раньше для местных названий Szereda, Péntek...

Но в защиту туземности и имени *Banya*, и горного дела, им свидетельствуемого, мы обращаем внимание на следующие обстоятельства:

1) Если в Трансильвании был развит соляной горный промысел — а именно такую картину культурной жизни застали в стране мадьяры при своем появлении сюда в X—XI столетии, то было бы непонятно, каким путем могло быть совсем неизвестно в крае, столь богатом металлами, рудное дело. Кто раз пошел в утробу земли и сек там соль, тот не мог пройти мимо металла, руды.

2) Совершенно чуждые металлической культуры, чуждые не только добычи и элементарной техники производства, но и простейших орудий и принадлежностей домашнего обихода из металла мадьяры научились ценить употребление металла и его производство уже по водворении своем среди славян, но славян с юсами в языке, а не словаков. Имея свои термины для обоих благородных металлов: *arany* — золото, *ezüst* — серебро, а для железа — *vas* (если не немецкое заимствование), мадьяры пользуются чужим словом для олова, т. е. для археологических металлов по преимуществу из своего обычного источника — славянского языка: олово — *ólom* (и с ударением ударения). Правда, мадьярские ученые готовы отбросить

это отождествление¹: но оно слишком ясно. Темновато происхождение мадьярского термина для меди (и в славянском языке соответствующий термин представляет загадку), именно *rez*: может быть, он в связи с славянским *ржа*, *режда* — аегуго? Для обозначения металла вообще взято немецкое *erz* — *erc* и славянское *руда* — *rud*. Но обратимся к металлургическим терминам в мадьярском языке и к словам для самых обыденных предметов из металла, чтобы видеть, кто был Фовелом мадьяр.

а) Слова, относящиеся к обработке металла:

Држгъз, в польск. *drag* — рычаг; *dorong* — палица, шест. склада: *kaloda* Block.

клеп: *kelepelö*, *keleplö* — клепач, клепало; *kalápacs* — молот (с специальной усиленной вокализацией).

ковать: *sovacsol*, с массой производных от славянского корня *коу*, *ков*.

копать: *kopál*, *kapás* Gräber, кара — мотыга, кирка; отсюда и местное название *Kapnic-Banya*, т. е. копальня, рудокопня.

лопата: *lapát*.

молот: *kalapácska* (небольшой); но большой молот — *kovacs-kalápacs*; здесь два славянские корни: *ков* и *клеп* (см. выше).

мотыга: кара, от слав. корня *коп* (см. выше).

чекан: *csákány* Keilhane, Hammerbeil; *csákány* kalapács Spitzhammer, словацкое *oskrd*. «*Csákány*, — говорит г. Баласа, — kann sowohl aus dem türk. *sakan*, als aus dem sl. *cekan* kämmen (ор. с., р. 279). Но здесь одно совпадение.

щипцы: *csipővas*, собственно клещи.

б) Слова для орудий в домашнем обиходе.

бритва: *borotva*, *borotvatok*. Основная форма в славянском, вероятно, *брить*.

ГРЯДЬЛЪ: *gerendely* Wellbaum, Walze; в словацком — *hriadel*.

¹ Напр., г. Balassa Josef в своей критике издания Барнера «Die Slavischen Elemente im Magyarischen» говорит: «Olom (Blei) kann nicht aus slav. *olovo* entstehen; Miklosich bemerkt auch "m für v ist befremdent"; das Wort ist nach Budenz desselben Ursprunges wie on (plumbum)». «Ungarische Revue», 1885, р. 277. Словарь проф. Буденца это изв. «Magyar — Ugor Szotar». Итак, звук *m* мешает; но отождествлять *ölom* и *on* можно. Г. Баласа напоминает мне одних академических этимологов Румынии в своем утверждении, например, «*malom* (Mühle) und *molnar* (Müller) kommen vielleicht aus dem italienischen *molino* und *mulinaro* und nicht aus dem serbischen (!?) *mlin*, *mlinar*» (р. 279). Почему *млин*, *млинар* приурочены одному сербскому языку? Оба слова у всех славян, а с итальянскими братьями сближаются в силу общеарийского характера корня *мел*, *мол*.

ключ: *kulcs, kulcsbl* – запирать ключом.

подкова: *patko, patkol* – подковывать. Ср. и румын. *podcova, potkovescu*.

коса: *kasza, kaszál* – косить.

котел: *katlan*.

круг, кружка: *korsó*. Но г. Баласа ведет из турецкого *kolcag*.

лемеш (чресло): *csoroszlya pflugeisen*; в болгарском *чирисло*, в словацком *cereslo*. Источник заимствования неясный: возможен и словацкий.

скоба: *eszkába*, то же, что *csákánykapocs*.

секира: *bárd, ács-bárd* из слав. *брады*; ср. в чешском *bradatice*.

цеп: *cséplo; csépel* – молотить цепом.

в) Слова, относящиеся к вооружению.

корда: *kard*. Впрочем, для г. Баласы отношение обратное: персид. *kard* – сабля вошло в турецкий язык и «*von hier haben wir es genommen, das slav., когда ist aus dem Magyarischen entlehat*» (ор. с., р. 280).

ЛЖШТА: *landzsa laucea*. Ср. и в румынском – ланче.

нож: *nöszírom Schwertel*; но просто нож – *kés*.

ОБРЖЪ: *abroucs*.

палаш: *pallos*.

палица: *palca*.

праща: *parittyá*.

Старорус., хорут. *mapra* = щит: *tárcsa*.

шип (стрела): *csipke-bokor*.

шишак: *sisak*.

шлем: *szelemen*.

Таким образом, знакомством с главным обиходным металлом, с обработкой металла и с массой предметов обиходных из металла или в которых участвует металл, мадьяре обязаны славянской культуре. Владея языком, выросшим при условиях кочевой грубой жизни (отсюда свои слова для примитивного оружия: *ij* – лук, *in* – тетива, *nyíl* – стрела), мадьяры даже ковать коней своих научились уже в Европе, по водворении среди славян, от этих последних. Тому же искусству научились и пастухи-валахи от славян. Все указывает на славянскую образовательную школу, и, заметим в скобках, сами мадьяры в лице лучших своих научных представителей, к чести своей, не тяготеют признанием этого важного факта в своей истории, не идут по пути наших братий по вере румын, которые даже такие архиславянские слова, как **ДШГЪ**, грех, в своем языке дивным образом силятся провести из латинского языка... Если г. Баласа указывает, что мадьяр. *rud* – металл идет из средненем. *ruote*, а славянское

руда (у него *rudo!*) имеет своим источником мадьярский язык (ор. с., р. 281), то это дело патриотического вкуса автора. Сами же юные воспитанники славян в рудном и вообще металлическом деле не могли учить страну, в которой разработка металлов связывается еще со школой римских каторжников и полумифических агафюров, металлическое богатство которой было баснословно, особенно что касается золота и серебра, и именно по восточному склону Рудного кряжа. Вековые традиции прерываются только в книгах. Один из глубоких, еще старых знатоков Трансильвании, туземный деятель первой половины XVI века Георгий Рейхерсдорф, ученый секретарь импер. Фердинанда II, описывая свою родину, приходил в какое-то умиление пред ее великими сокровищами нутра земли. Послушаем же его.

«Ab alba Julia (т. е. Tejér-vóz, Белград) ad Occidentem, – говорит автор, – sunt montes et alpes axcelssissimae..., in quibus situantur civitates montanae *aurо* et *argento* praestantes, inter quas vel precipua est Abrug-banya¹... venis metallicis Celebris, ubi *magna auri vis assidue colligilur*...» И далее Рейхерсдорф повторяет то же о том же кряже: «Sunt montes auri et argenti ditissimi, utpote Abrug-bania, Zalathnia, Keres-bania, et quibus magna vis auri et argenti sumitur»². Но и самые горные реки были золотоносные:

«Hinc auri venique ferax Bistritia surgit», – разражается гекзаметром ученый трансильванец.

Но все эти соображения против всякой мысли о занесении горного дела в металлоносную Трансильванию уже мадьярами и в пользу глубокой старины этого высококультурного промысла – из эпохи домадьярской, а именно славянской, находят особенно решающую поддержку в

3) судьбах трансильванского города *Zalatna*, как он называется мадьярами, Златна или Злакна, как в устах румын. Судьбы эти глубоко интересны при воскрешении былой жизни некогдашнего Залесья: была культура – и культура славянская.

К западу от Fejér – Белграда (Carlsburg), на притоке Мароша Омполье, лежат два городка одного имени – *Zalatna*, один близ дру-

¹ Правильнее было бы *Abrud*, как на нынешних картах и в старых грамотах, напр. 1271 года: «...quod terram *Obruth* vocatam, que est sita juxta Опроу terram» (*Deutsch*, ор. с., р. 96). Издатель замечает: *Abrud-banya. Abrud* – мадьярское распространенное славянское *руд*, из *руда* – металл.

² *Georgius a Reychersdorff-Transylvanus*: «Chronographia Transylvaniae, quae Dacia olim appellatu...», Viennae Austriae, M. D. L., p. 14 a, 16 a. Эта редкая книга перепечатана А. Папиу Илариану в его «Tesauru de monumente istorice pentru România», t. I, Bucuresci, 1862.

гого. По-видимому, не славянское название. Но мы видим, что его славянизм выдает сейчас же нынешний житель и городов тех, и их окрестностей румын своим *Злакна* или *Златна*. Первое же *a* в мадьярской форме – необходимая, согласно духу языка, вокальная вставка. Что имя Златна – прилагательное от сущ. *злато*, ясно само собой. Но это свидетельствуется и латинским названием мест – *Auraria*, т. е. просто перевод, и названием их у немцев: Schlatten или Schlattendorf для большой Златны (Nagy) и Goldenmarkt, Золотое местечко – для малой (Kis).

Золотое местечко, Златна, было и осталось истинно золотым долом, откуда всегда извлекалась «*magna vis auri*», хотя до самого последнего времени совсем примитивно. Вот как описывает этот золотой промысел венгерский географ XVIII столетия известный Матвей Бел. «В Златне, которую валахи считают митрополией своего племени, в базарные дни, – говорит автор, – стекаются массы народа, и тогда правительственный чиновник, назначив известную плату, покупает у валахов и мадьяр золотой песок, собираемый ими в реках; и промывка золота – их главное средство к жизни»¹.

Но та же золотопромышленная жизнь и, конечно, с теми же приемами имела место и раньше, два века назад до Белы, как это мы видим из рассказа Рейхерсдорфа, и при той же обстановке золотого города кругом, широко и далеко, жил главным образом всемогущий, всепоглощающий румын с немногочисленными немцами в самих городах.

Говоря о горах, которые «*auri et argenti ditissimi*» – у Abrud-banya, Zalatna, Рейхерсдорф о последнем городе категорически замечает, что «*nunc Valachi incolunt*». Об этих обитателях золотого угла этнограф XVI столетия, как и естественно ожидать, самого дурного мнения. «Кереш-баню, Абруд-баню, Златну, – говорит Рейхерсдорф, – занимают немцы, перемешанные с валахами; только места эти очень небезопасны от постоянных грабительств со стороны валахов. Но, несмотря на это, именно здесь “*magna vis auri et argentó summitur*”, именно здесь “*Camerae Regine* (т. е. казне) *pro cudendis tam aureis, quam argenteis monetis applicatur*”»².

Не иная картина жизни, но иная этнографическая картина была в этих полудиких, уже валашских в XVI столетии горных ущельях тогда, когда жили здесь те, которые от своего языка дали имя золотому

¹ Bel Mat., «Compendium regnorum Slav., Croatiae, Dalmatiae... M. Princ. Transilvaniae», Posonii, 1792, p. 147, примеч. Г. Бел придет прямо *Zlatna* и правильно поясняет, что «*denominationem accepit a slavica vocula злато*». (Там же).

² *Reuchersdorff*, op. c., p. 16 б, 16 а.

углу страны — славяне. Они должны были здесь жить, но когда? Для них, для славянского периода в истории золотого угла мы не имеем (или мы лично не знаем) не только таких точных исторических показаний, как показания Рейхерсдорфа о диких валахах, но и вообще каких-либо. Но в этот безвестный период бросают некоторый луч света соображения общего характера¹.

Небольшое валашское в XVI столетии местечко Златна (Auraria major) «некогда (olim) было, — говорит Рейхерсдорф, — громаднейшим городом (maximam urbem), как это явствует из старых вещественных памятников». Тогда, продолжает он, Златна особенно славилась своими aurifodinis — золотыми россыпями².

Прежде чем идти дальше за рассуждениями Рейхерсдорфа, отметим некогдашний этнографический характер страны вокруг Златны, насколько он может быть воскрешен при помощи местных имен. Здесь, в этих местах, должны были жить, и сплошными массами, те, о которых в первой половине XVI столетия уже не было и помину, — славяне: о славянах, о славянском «olim» гласят местные имена окрестностей золотого местечка.

Так, по направлению к северу от Большой Златны (или Abrud-banya): Бучешты, Быстра, Gerend, Мункешты и др.;

по направлению к западу: Brad, Lunka, Rebitza, Rescoliza, Ternava, Trestia (трость);

по направлению к югу: Grad, Pojana (поляна), Szirb (среб), Csertes (ср. Чертиж в Венгрии) и др.

Все эти названия не выбраны нами, а взяты прямо с карты, подряд, но в азбучном только порядке.

Но куда же приурочить это славянское «olim» Златны и ее края, эпоху невидимых для истории славянских золотарей, богатырей земли?

Для Рейхерсдорфа его «olim» Златны, эпоха ее цветущей золото-промышленной жизни вкладывается в рамки весьма определенно-го времени. Это эпоха римской оккупации Дакии, нашего Залесья: отсюда у него идет и само начало нашей славянской Златны. Златна, объясняет он, — город, основанный во времена императора Траяна, некогда знаменитый своими золотыми россыпями. Здесь и сегодня еще имеется несколько надписей, вырезанных на мраморе, и одну из них, достойную памяти, мы и прилагаем тут³.

Конечно, не на основании каких-либо летописей ничтожного уже

¹ Бел вспоминает только о мастерах, призванных Баторием (l. c.), ясно, без всякого значения.

² *Reuchersdorff*, op. c., 14 a.

³ Там же, p. 16, б.

в XVI столетии городка, глухого памятника былой славы, Рейхерсдорф своей Златне приписывает такую седую древность, как эпоха пребывания римлян в Трансильвании (до конца III в. по Р.), а в виду монументальных показаний и общих соображений. Мы, без сомнения, далеки, чтобы разделить убеждение трансильванского ученого половины XVI столетия о начальной эпохе загадочной Златны, не будем сводить на очную ставку славян золотого угла Трансильвании с императорскими легионерами Рима и римских памятников, вскрываемых из-под фундамента Златны, не будем относить к славянскому народу, историей не известному, золотого местечка и его окрестностей. Для нас имеет исторический интерес современное убеждение в самой Трансильвании XVI века, связывающее эпоху возникновения Златны с Римской империей; важно то обстоятельство, что когда-то славянская, но уже в XVI веке валашская Златна всегда «aurifodinis insignis» стояла на месте римского города, что какого-либо посредника, какое-либо третье лицо между Златной и временем римской оккупации Дакии современная память не знала. Если же время римской оккупации и не видело, не знало еще славян в стране, не звучало еще тогда Златна, хотя и славилась ее золотая почва, где была «maxima urbs», то едва ли мы ошибемся, положив, что славянский период в судьбах Златны не отстоял далеко от римского; вторжение же мадьяр должно было захватить еще славянскую эпоху края, о чем будет яснее ниже, когда мы убедимся, что валах XVI столетия только сидел на славянских костях.

Таким образом, Златна решительно говорит о древности славянской стихии в стране, как и о высокой культуре ее славянских старообитателей. Но еще недавно историки требовали от нас верить, что Трансильвания в X веке это «нейтральная территория», куда только печенег да мадьяры наезжали для свободной охоты на медведя (Hunfalvy), как это делал в наши дни пок. кронпринц Рудольф.

6

Обзор и оценка топографических имен Дунайского Залесья привели нас к твердому убеждению о существовании в нем не признаваемого историей славянского элемента в такое раннее время, как эпоха прибытия мадьяр и ранее, и элемента не некультурного. Таким образом, топонимия Трансильвании, значение которой уже понимал великий деэписец славянства Павел Шафарик, позволяет восполнить любопытным текстом лишнюю белую страничку в бытовой истории нашей старины, родного язычества. Какой же тяжкий грех перед наукой недавно совершил заслуженный исследователь тех краев, когда в проектированной им лично этнографической карте славянства IX века он всю Трансильванию целиком выдал

в исключительное пользование румын, которые тогда могли лишь формироваться, повыезавши из своих горных трущоб¹.

Но если мы притом, насколько дозволит нам это наш лично недостаточный опыт, обратимся к историческим источникам, то и в них найдутся кое-какие свидетельства в пользу славян, в защиту их игнорируемого в Залесье существования. Заботливо обходимые славяне подойдут, пожалуй, и к самой римской оккупации Дакии, так что и Рейхерсдорф с своей теорией начала Златны будет не неправ.

Мы обращаемся к средневековым регистрам и грамотам Трансильвании, к их показаниям о присутствии славянской стихии там в их время. Эти нещедрые показания сводятся, главным образом, к двум группам: к собственным именам славянского происхождения

а) мест и

б) лиц.

Относительно редкими оазисами встретятся там нарицательные слова. Но нам особенно дороги здесь будут юридические отголоски, напоминания о старом быте славянском местных славян. К ним примкнут косвенные показания исторические, в обычном смысле, характера. Пользуемся заезженным, но дорогим собранием г. Тейча (о нем выше), хотя и неполным. Начнем с документов конца XII стол. и отдельно предложим данные обеих групп.

а) Историческая топонимия Трансильвании.

Так как грамоты писаны на латинском языке и людьми разного происхождения, поэтому в правописании имен встречается крайняя пестрота: в двух грамотах одного и того же года различно пишется одно и то же имя; но разлад этот бывает и в границах одной и той же грамоты. Вот почему, естественно, этим материалом необходимо пользоваться с осмотрительностью, иначе можно выжимать из них вывод *ad libitum*. Предостережительный пример может дать румынский патриотический историк г. Ксенопол, производивший ту же операцию, что произвести собираемся и мы, но тенденциозно, с особыми этимологическими, хотя и патриотическими домыслами. С трудом г. Ксенопола мы повстречаемся ниже. Ввиду этого мы сколько-нибудь сомнительные данные отмечаем как таковые и останавливаемся на данных ясных. Выбрасываем данные бесцветного, нерешающего характера, как, напр., *Zent = szent* из слав. **ѣЛѦТ**, ибо это

¹ Dr. Jos. Lad. Pič в своей «Zur Rumänisch-Ungarischen Streitfrage, Skizzen zur ältesten Geschichte der Rumänen, Ungarn und Slaven» (Leipzig, 1886). Карта приложена к концу книги. «Osteuropa im IX Jahrhundert». Одни румыны и румыны, хоть бы чуточку славян... Мы лично ту же проекцию сделали правильнее, без румынофильства, в своей карте «Расселения славян в IX в.», изданной ко дню 6 апреля 1885 года.

название могло принадлежать и кровному мадьяру, или Csötörök (именно в регестах под 1216 годом), несомненно, из слав. *четвертак*, по тому же основанию.

Грамота 1176 года: *Gerend* (Stephanus de -), *Jara* (Ladislaus de -), «rivulus Preselw pathak vocatus».

Место *Gerend*; имя это из слав. **града** — балка, кроква, с каковым значением это слав. слово перешло и в мадьярский язык: *gerenda*.

Jara; ф. слав. яр, яруга.

Preselw pathák. Pathak — это слав. *поток*, и слово вошло в мадьярский язык. В той же грамоте и *Zyntpathaka*, т. е. **злат** — поток. А первая часть имени? Конечное *w* = *u*, ибо в этой же грамоте *Mikwd* = *Mikud*. Не есть *Preselw(u)* слав. прошедшее — **прѣшълъ**, и все название — **прѣшълъ потокъ**? Кем же этот поток был так *vocatus*?.. Должно полагать, славянами.

Грам. 1197 г.: «...super Fequetfee... ad Hehesholmu inde ad Sossed... cum villa de *Acna*... ad magnum montem, qui vocatur *Acnahege*... cum villa Lapad... ad Fequet-kopna».

Hegesholmu состоит из двух однозначных имен существительных: мадьярского *hegy* (читай *hedj*) — гора, вершина и славянского *holm* — холм, хльмъ при мадьярском приеме — через *h* выражается звук *х*. След., в *holm* точным образом переданы славянские звуки и даже с вокализацией *ол* = ц. слав. *л*. Таким образом, в *Heges-holmu* мы имеем местное туземное имя, но проглотсированное по-мадьярски. Конечно, и в *holm*, должно полагать, указывает на присутствие еще в славянском языке гласного конца, гласности *ь*. Что *holm* = *холм* еще славянское слово, ясно из того, что в мадьярском языке оно в подобной форме существовать не могло, ибо стечение согласных *l, m*. И действительно, когда наше слово является уже словом мадьярского языка, оно уже имеет мадьярскую физиономию, именно — *a* вм. *o* в первом слоге (согласно общему закону передачи славянских слов мадьярским языком) и паразитно-гармоническим *o* для разъединения указанных согласных звуков: *halom*. Так, то же местное имя, но в документе на $\frac{3}{4}$ столетия позже, в мадьярской форме *Feketehalom* (Регесты, под 1268 г.). Впрочем, эта мадьяризация — личное дело писца, ибо в грамотах того же времени мы имеем наше слово все в его славянской форме, но уже без вокального конца: *castrum Fekethen-holm* = *Feketen-holm*, грам. 1268 г. (№ 195, 196). Без вокального конца наше слово перешло в мадьярский язык. Но не так обменивают наше топографическое имя в указанной грамоте XII века представители румынской науки.

Разворачиваем недавнюю книгу профессора румынской истории в Ясском университете А.Д. Ксенопола (Xénopol) «Une énigme

historique – les Roumains au moyenage» (Paris, 1885). Она направлена против румынофобского направления в исторической науке Венгрии, главным образом против трудов известного венгерского этнографа г. Гунфальви (Hunfalvy), их основной тезы – недавности румын в Трансильвании... Не скроем, и в мадьярской исторической науке является увлечение, патриотическая жилка; но как отпрыск серьезной немецкой школы исторические труды мадьяр не сентиментальны.

На возражение противников непрерывности румынской стихии в Трансильвании (и вообще в пределах старой Дакии) – как понять, что в местных грамотах раньше XIII столетия нет ни малейшего упоминания о румынах? – г. Ксенопол отвечает другим вопросом: «И много ли грамот раньше этого столетия? Первая датирована 1165 годом, но уже пятая в ряду заключает в себе явное доказательство (*une preuve évidente*) присутствия румын в Трансильвании». Эта «пятая» и есть наша, 1197 года, а ее «явное доказательство» это – именно наше местное имя *Hegesholmu*, т. е. его вторая часть – *holmu*. «Это-то словцо, – утверждает ясский профессор, – и заключает в себе доказательство, о коем идет речь. Это слово состоит из двух частей: мадьярской *heges* – гора и румынской *holmu*. Слово *holmu* и сего дня живет в румынском языке параллельно с словом *culme*, что из латинского *culmen*. Мадьяры, слыша, как называли румыны того времени этот холм – *holmu*, и не понимая значения слова, приняли его за собственное имя, которому и придали значение *Heges*; они образовали таким образом имя *Hegesholmu*, т. е. холм *Holmu* – холм холма. Другое обстоятельство, которое доказывает с последней очевидностью (*avec la dernière évidence!*) румынское происхождение слова *holmu*, это конечное *u*, которое есть не что иное, как румынский член *ul*, но сокращенный в *u*¹.

Для доказательства румынского происхождения слова *holmu* автор указывает на известность того же слова в топонимии Молдавии (в примечании), а засим широко, но неглубоко входит в область сравнения романских языков (его любимый конек) и отчасти славянских, но затем, чтобы, в конце концов, и самому признаться, что еще слишком далеко до «последней очевидности», что *holmu* – румынское слово.

«У румын Трансильвании, – указывает сам г. Ксенопол, – встречается слово *hîlmu* (читай хылму) со значением возвышения, горки. Сравним лат. *culmen*, итал. *colmo*, португ. *cume*, исп. *culmbre*, старослав. *hulm* (!), польск. *chelm* (!). Мадьяры также владеют словом *halom* – горка, обозначающая межу (!). Румыны могли заимствовать

¹ Р. 92–93.

свое слово *holmu* у латынян или у славян, мадьяры, в свою очередь, — у славян или у римлян»¹. Если же не исключается у автора возможность славянского происхождения рум. *hîlmu*, то ясно, что вся ученость автора ни к чему, лишний балласт, но главное — он сам бьет себя, уничтожает категорический характер своего утверждения раньше, все эти «последние очевидности». Но что в нашем *holmu* мы имеем дело не с словом румынского языка, ясно из приводимого самим автором действительно существующего в румынском языке и заимствованного от славян слова *hîlmu*, с глухим звуком в первом слоге на месте слав. *о*, по общему закону передачи славянских заимствований румынами: ср. **ДЖЕЗ** — *dîmbu*, **МЖИКА** — *mînka* и пр.

Таким образом, в *holmu* трансильванской грамоты конца XII века мы имеем настоящее слово славянского языка, из которого уже румын той же Трансильвании взял свое *hîlmu*, приспособив славянское слово к духу своего языка. Соотношение же между слав. *холм* и лат. *culmen* могло бы указать г. Ксенополу на излишество сравнения с португальской и пр. формой последнего слова. О конечном и мы говорили выше: это и не имеет отношения к рум. члену *ul*. Мы видели, что и позже в грамотах и в мадьярском наше *holmu* является в своей обычно исторической, общеславянской форме *holm*, без гласного конца.

Наконец, г. Ксенопол напрасно смущается, что «если бы *holmu* не было румынским словом, а мадьярским, то название *Hegesholmu* представляло бы тавтологию: *montagne de la montagne*»². Мы говорили выше, что здесь все в порядке: мадьярское *heges* есть перевод, глосса к туземному местному названию *холм*, и в общезжитии мадьяр употреблялись то обе части, то только одна первая, мадьярская, *Heges*: пример последнего имеем в тех же грамотах.

Sosset, из слав. **СОСЪЕДЪ**, без носового.

Асна, мад. форма слав. *окно*. *Аснаhed* = Окно-гора.

Lapad, из слав. *лопата* (ср. выше). У румын сегодня это место — *Lopádea*.

Fequetkopna из двух частей: мадьярского прилаг. *feket* — черный и слав. суш. *копна* (ср. *копа*, уменьш. *копна*, *стог*, вообще возвышение круглое, что ясно из польского *kopiec*; словац. *korces* = мадьяр. *halom*, *domb*, т. е. возвышение, холм. Следов., *Fequetkopna* = Черный холм, курган. Но в той же грамоте, в начале, мадьярский писец дал мадьярский перевод и славян. *копна*: там при определении границ земли та же местность названа *Fequet-fee*, где *fequet* = *feket* — чер-

¹ Там же, 92. примеч. 1.

² 93, примеч.

ный и сущ. *fō* или *fej* — голова, что соответствует слав. *kopna*. Очевидно, в передаче слав. *kopna* мадьяр. *fō* — голова мы имеем пример приблизительного перевода, но метафора естественна. На языке туземных славян наша местность называлась, вероятно, Черная копна.

Рассыпанные вперемешку со славянскими в грамоте 1197 года немецкие местные названия Bodon, Hufee-Merke, Heren и др., как могшие явиться в Трансильвании только с прибытием сюда колонистов с Нижнего Рейна в половине XII столетия, свидетельствуют, что новые обитатели страны рассеялись среди старых славянских обитателей, уселись промеж них, а не заселяли пустыню.

Грам. 1206 г.: villa *Karako*.

Karako, с долгим конечным *o* (ибо стяжение) — специально мадьярская форма слав. *Krakov*. Ср. в грамоте 1289 г. та же villa *Korokov*, а в грамоте 1291 г (№ CLXXIII) правильно *Crakow*.

Грам. 1211 г.: terra *Borza* nomine. Это главное сельбище призванных фламандцев. В грамотах это имя *Borsa*, *Burza* и даже *Boza*. Не стоит ли оно в связи с каким-либо горным потоком, называвшемся *борзым*? Теперь — *Burzenland*.

Грам. 1219 г.: «... ad locum *Bundron* et... *Pasztuh*... et inde ad stagnum *Gsazar*; et inde... ad pratum *Mihula*... et inde ad metam *Miroslon*...».

Bundrow теперь, как замечают издатели, *Dombro*, что сокращено из *Dombrov* — *ovo*. Здесь мы имеем, таким образом, пример самой своевольной передачи писцом чуждого ему слова; здесь буквы *b* и *d* стоят одна вместо другой. Славизм же имени *Dombro*, г. **ДЖЕ**, ясен сам собой.

Pasztuh, при *h* = *x*, буквально *пастух*.

Gsazar — важное историко-бытовое имя: оно *shym* в звуке отвечает *цасарь*, *цесарь* славянской Библии (из лат. *caesar*) и является свидетельством принадлежности былых славян Трансильвании православно-христианской церкви славянского обряда, церкви св. Мефодия.

Mihula — или Микула, имя собственное, или в недостаточной передаче *могила*.

Miroslon — очевидно, ошибочное написание слав. имени Мировслав. Ср. ниже Сенеслав и др.

Грам. 1222 кор. Андрея, жалованная храмовникам на земли в Борзе «contra Cumanos»: «usque ad terminos Prodnicorum».

Prodnici писал немец вместо *Brodnici*. Известен галицкий удельный князь Иван Бырладник половины XII в., с своими сбродными людьми в Бырладе и на Нижнем Дунае. Очевидно, *бродник* от бродить, следовательно, наемник — вагабунд. Были, вероятно, и трансильванцы.

Грам. 1222 г. (№ XIX): «ad términos *Blacorum*», но ниже: «terram... Valachorum».

Valachi – чисто славянская (русская) форма, вместо книжной *Blaci*.

Грам. 1223 г.: «...in concambium terre *Borotnik*... monasterio de *Kerch*... per paludem que vocatur *Egwerpotak* usque fagos, qui dicuntur *nogebik*...».

Borotnik или мадьяризованная форма слав. *Brodnik* (ср. выше), или в связи с *борт* (бреть) и = *бортник*, в русском языке и пр. с значением пчеловод, пасечник.

Kerch, в грамоте 1225 *Kerz*, в грамоте 1252 г. *Kircs*, из слав. *корчь*, ц. слав. *кръчь*.

Potak – довольно точно передано слав. *поток*, с о. Обыкновенно уже мадьярская форма – *patak*.

Nogebik. Так назывались *fagi*, т. е. буки. Вероятно, сложное слово: *noge* вместо *много* и *bic* вместо *бук*.

Грам. 1227 г.: «fuit in *Kraszón* civitate *Mesta* – civitatem *Kraszón*».

Kraszón вместо *Kraszow*.

Mesta – слав. *место* в смысле город, здесь = *civitas*.

Грам. 1228 г. (№ XLI): «...in montem, qui vocatur *Lakal*... ad paludem eandem *Lakal*... juxta rivulum *Milos*... juxta rivulum *Osoisyd*... in vallem que vocatur *Zeku*, inde descendit ad fluvium, qui vocatur *Piszteraha*... ad montem, qui vocatur *Zanus*... intra duas (sc. montes) *Biku*... ad montem, qui (vocatur) *Csuzberecz* (вор. *Csuzbercz*)...».

Zakal – слав. *сокол*.

Milos – ср. серб. личное имя *Милош*.

Zeku – *засека*, *просека* и проч.

Piszteraha – или от прил. *пестр*, или по рыбе *пеструга* (форель).

Zanus. Ср. реки *Сан* в Галиции и *сань-змеи*.

Biku – имя Бык так часто для обозначения громадных вершин.

В именах *Osoisyd*, *Csuzberecz* слышится что-то славянское, но что?

Грам. 1231 г. (№ XLVII): terre *Gumbas*. Ср. нын. *Gombus* в связи с *Gomba* из слав. **гѣма** в Сатмарском комитате.

Грам. 1233 г. (LIII): «...ecclesia de *Bistriz*... ecclesia de *Roncha*, ecclesia de *Kenaz*... in silua que nominatur *Bereg*».

Bistriz – река Быстрица, нем. *Feistritz*.

Roncha – славян. **рѣка**.

Kenaz – старая, нечистая форма в старом канцелярском языке Трансильвании для слав. слова **кѣназь**. Ср. ниже о достоинстве *kenezatus*.

Bereg – русское *берег*, в Галиции и вообще в Карпатах с значением немецкого и того же происхождения *Berg*: гора, лес (*silva*). Отсюда лесистый в глубине Карпат комитат Венгрии - *Beregh*.

Грам. 1238 г.: «...fluminis quod dicitur *Chylna*... Super lapidem qui dicitur *Bela*... usque ad villam *Voyazd*... versus sylvam super Berch qui dicitur *Zwhodol*... versus collem qui dicitur *Pastorew*...».

Chylna, река, теперь *Czélna*. От корня *цел*.

Bela – белый (камень).

Voyazd – слав. *уезд*. Ср. чеш. *oujezd*, *Wegfahrt*, *Seitenweg*.

Berch Swhodol. Первое имя может быть и немецкое; ср. в грамоте 1252 г.: «vulgariter *Berkh* dicitur». Но может быть только неточная передача слав. *берег* или *верх*: *верх* – обычное название высокой горы в Карпатах, откуда румыны взяли свои *virf*; второе же имя, несомненно, *суходол* или *сухой дол*. Оно нередко в славянской топонимии.

Pastorew – слав. прилаг. с суффиксом *-ев*, или от сущ. *пастырь* (ср. выше *пастух*), или от сущ. *пастор*, уменьш. в чешск., пол. *pastorek* – пасынок.

Грам. 1244 г.: «...in villa *Chan*... in villa *Dengeleg*...». *Chan*, теперь Csány, т. е. Чан. Ср. слав. *чан*. *Dengeleg*, вероятно, из двух частей. Первая часть *denge* – слав. **ДЖГА**.

Грам. 1252 г.: terra *Zek*.

Zek – слав. корень *сек*. Ср. выше.

Грамота 1261 г. (№ LXXIII): «...transit ad *Boba* et ubhinc in *Balvanka* et ab eodem ascendit in montem *Bela*...».

Boba – слав. *баба* – отец, дед и пр.

Balvanka, теперь Bálványos, уменьш. от *балван* – скала, камень, истукан.

Bela – ср. выше lapis *Bela*.

Грам. 1264 г.: terra *Nazwod*.

Nazwod из *на* + *свод*.

Грам. 1267 г.: Feketen *holm*... *Rhuda*, *Rhohozd*.

Holm, раньше *holmi*. С этого времени в грамотах – то славянская форма *holm*, то мадьяризованная *halom*.

Rhuda, теперь *Ruda* = слав. *руда*. Ср. *Rodna*, грамота 1268 г. и теперь.

Rhohozd, теперь *Rákoz*. Вероятно, в связи с слав. *ракош* – камыш, в чешском и др.

Грам. 1269 г.: «...*Berch*... *Byrch*, venit ad campum, ubi dumus, qui vulgariter appellator *Rekety*... ad torrentem *Droch*...».

Ввиду форм *Byrch* полагаем, что *Berch* = *Byrch* это слав. *верх*, рум. *virf*.

Dumus собственно терновник; называется на языке туземцев *rekety*... Можно сравнить со словом *ракита*.

Droch = слав. *дрок*, трава.

Грам. 1278 г. (№ CXVIII): «...et in *dumbo potako* descendit in rinulum Kuquellev...». *Dumbo potako* – латинский аблатив от слав. прилага-

тельн. *dumb* из **ГЛЖБ(ОК)Ъ** и сущ. *поток* в слегка мадьяризованной форме.

Грам. 1281 г.: «...separant terras *Bogomer, Gerend* et *Baratpyspuky*...». *Bogomer* из личн. имени Богомер.

Gerend из **ГРЖДА**.

Baratpyspuky — из двух мадьяризованных слав. слов: *брат* и *ени-скопы*.

Грам. 1282 г.: «...*valus Udvarag vocatur*...».

Udvarag из слав. *двор* в уменьш. форме.

Грам. 1282 г. (№ CXXXIII): «...*infra lapideam viam iuxta arbores Harazt... in rinulum Volk pataka vocatum*...».

Arbores Harazt — мадьяризованная форма слав. *храст*, сокращ. из *хворост*.

Volkpataka — волк-поток.

Грам. 1283 г.: «...*ad unum Beregh... in ipso Beregh... et per idem Beregh pervenitur ad quendam locum Rarouzlyrok vocatum... ad quandam terram paludosam. Borzaszto vocatam... transeundo ipsam paludem Darvasto vocatam... monticulum Halom... possessione Machkas*...».

Beregh — берег, ср. выше.

Rarouzlyrok. Вероятно, из трех слов: последние два — *zly rok* = злой рок. Относительно первого вспомним *рарог* — сокол.

Borzaszto, слав. корень борз? Или в связи с сущ. **БРЪЗА**, *береза*? Суф. *-аст*, обозначающий обилие чего.

Darvasto, прилаг., с тем же суффиксом от сущ. *древо*, *дарво*.

Machkas и теперь *Macskás*, от сущ. *мачка* — медведь. Этого зверя и сегодня много в Трансильвании.

Грам. 1288 г.: *terra Zthara*. Теперь *Sztána*. В обоих случаях имя явно славянского происхождения.

Грам. 1289 г.: *terra Gerend*, слав. **ГРЖДА**. Ср. выше.

Грам. 1289 г.: опять *Chylna villa Vajazd Bertz qui dicitur Zuhodol, collis Pasztorren*, как в грамоте 1238 года.

Грам. 1289 г. (№ CLIX): «...*terra Muhy vocata, an capite rivuli Kozd... terra Popteluky*...».

Muhy, им. мн. от *муха*, что ясно из имени *Mükendorf*, под которым это поместье известно сегодня у немцев. У мадьяр нынче — *Моха*, т. е. *моха*, и в грамоте 1293 года читается: *terra Mohy*, т. е. все в множ.

Kozd. Ср. серб. *гвозд* — лес.

Popteluky. Здесь интересна первая часть — *pop*, т. е. поп, в начальнo-славянской форме вм. обыкновенной мадьяризованной *pap*.

Грам. 1290 г.: «...*terra Doboka vocata*...». Из слав. **ГЛЖБОКЪ**. Отсюда и комитат *Doboka*, напр. в грамоте 1291 г.

Грам. 1291 г.: «...*terrae Medyes, Dumburon, Muhach, Bagyum*...».

Hory... Polanteluk, Bagach... Feulldvar...».

Medyes, теперь Meszkö, от *méska* – медведь, параллельное слово к *medve*, из славянского. Ясно, название поместья славянское и звучало вроде «медвежье»... Относительно обилия медведей приведем и свидетельство грамоты 1138 г.: «...Sunt homines, qui debent per annum dare viginti martures (куниц), centum corrigias (узdechki?) et unam pellem *uslinam*».

Dumburon, теперь Dombro = слав. **ДЖЕРОБА**. Ср. выше.

Muhach, теперь Mohács; ср. выше *Muhy*.

Bagyum, теперь Вагуон, в связи с словами *банак*, *баньи* дан в сербском?

Hory – вероятно, им. множ. – *горы*.

Polan-teluk, теперь Rojan – валашская форма, *j* вм. *l*. *Polan* = слав. поляна.

Bagach – *богач*?

Feul-dvar; вторая часть = двор.

Грам. 1297 г.: *possessio Zeleche*. Теперь *Szelestye*, т. е. селище. Только ввиду современного названия можно восстановить испорченную форму грамоты.

Грам. 1297 г. (№ CCVIII): *monasterij Bykfew... possessioni Banabyk*.

Bykfew – в первой части сл. *бык*.

Banabyk, теперь Bányá-biik. Ср. выше: *баня*.

Грам. 1299 г.: «...terris *Leske* et *Szentgyurg... villas,.. Nadasd* et *Bugartheluke* vocatas...».

Leske, т. е. Лиски. В конце этой же грамоты: «in sylua *Leske*». В следующей грамоте то же: *silue Leske*.

Szent-Gyurd. Интересна вторая часть – *Gyurg*, т. е. Гюрг, изв. переделка имени Георгий у русских и югославян.

Nadasd = надежда. Отсюда и родовое мадьярское имя – Надаждь.

Bugar-theluke. В след. грамоте то же село *Bogartelke* и *Bagartelk*. Везде первая часть – *болгар*, *болгарин*.

Грам. 1299 г. (№ CCXXI): «...meta incipit... in uno Byrch Kapus nominato... ad vallem magnam, ubi duo rivuli Makobijke pataka alio nomine Daroch patak... usque Makotew... super unum rotundum montem Holum appellatum...».

Byrch, по имени *Kapus*, муж. р. (in *uno*; в конце грамоты: «Byrch siluosus»), вероятно, это *верх*, карпатское название высоких гор.

Makobijke-pataka, иначе *Daroch-patak*: вторые части – *поток* – в мадьяризованной форме; но первые части – крайне испорченное чтение, наверное, славянских названий. *Darock* может быть в связи с прил. *дорог*; но другое имя?

Makotew, ew – славян. суффикс прилаг. притяж. Относительно са-
мого названия ср. Mokotowo, у Варшавы.

Holum, имя в чистой славян. форме, с паразитным *u*, и значение
имени этого пояснено тут же: *mons rotundus*, т. е. наше - холм.

7

Ономастикон (личные имена)

Reg. 1138 г. «... In Vetrasiluanis partibus sunt mansiones, qui sal
daré debent... Nomina mansionum sunt: Vosas, Martin... Besedi, Senin,
Lesen... Kosu, Hamudi... Vir, Cesti... Sounig, Simeon, Vasil, Isak... Sima...».

Mansiones собственно усадьбы, хутора; но перечень их заклю-
чается личными именами. Вслед за этим и идет речь о людях «qui
debent per annum dare»

Этот документ важен как из первой половины XII стол., до прибы-
тия в Транильванию первых саксов, этих «*priores flandrenses*» гра-
мот.

Vosas – ср. *ocas* в чешском, польском – хвост.

Martin – имя христианское, но в славянской форме, ибо у мадьяр
- Marton.

Besedi – беседы, им. мн.

Senin – сеньн.

Lesen – лесън; ср. выше *leske*.

Kosu – кос.

Hamudi – ср. старый город в Чехии *Ghomutov*.

Vir – ср. в чешском *vir* – водоворот, *vyr* – сова.

Cesti – ср. в ст. слав. ~~цѣста~~, чешском *cesta* – дорога.

Sounig – сольник; ср. выше.

Simeon, Vasil, Isak, Sima – личные имена с явными признаками
принадлежности их носителей к славянской церкви и крови. Ибо
Sima – ласкат. форма и сегодня у южных славян для Симеона.

Таким образом, из 30 собственных имен документа 14, т. е. почти
половина, позволяют без особенного труда быть объясненными из
славянского языка. Что касается других, то надо помнить крайнюю
путанность в изображении у писцов, о чем была речь раньше. Вот
почему мы думаем, что юный Jung в своих «Roemer und Romanen
in den Donaulaendern» (1877) очень смел с утверждением, что «die
Nomenclatur dieser Urkunde ist auf den ersten Blick als nicht Slavisch
zu erkennen» (p. 302).

1166. *Vilcina episcopo*. Ср. в сербском *вучина* – волчья шкура.

1219. *Neuka waiwoda*; 1220. *Neuka woiawoda*. Ср. неук.

1235. Король Бела IV жалует некоего Дионисия, qui etiam
Bogomerium filium Zubuslay comitem et ductorem Sicularum
captinarat». Здесь важны: 1) личные имена отца Собеслава и сына

Богомера и 2) достоинство Богомера – comes et ductor Siculorum, граф и предводитель секлеров.

Секлеры (Szeklér, от *székel* – жить, обитать), жившие (и живущие сегодня) по самой границе с Молдавией, участвовали в войне короля Белы с болгарами и именно были на стороне последних, предводимые своим графом Богомером, сыном Собеслава. Итак, вождь мадьяр-секлеров носит чисто славянское имя, равно как и его отец. В связь с этим свидетельством о присутствии славянской стихии даже среди секлеров можно поставить любопытное свидетельство из конца того же XIII в. об употреблении ими славянского письма. «Zatuli (т. е. секлеры), – говорит Симеон Keza (†1285 г.), – ...cum Blackis (т. е. валахами) in montibus confinii sortem habuerunt. Unde Blackis commixti litteris eorum uti perhibentur»¹, т. е. секлеры, живя вместе с валахами, переняли от них и их письмо. Известно же, что не только славянское письмо, но и самый славянский язык был до очень позднего времени единым письменным или дипломатическим языком валахов всех наименований. Откуда же сами литературные учителя секлеров приобрели знание славянской азбуки? Этнографические границы секлеров указывают, что Кеца имел в виду валахов Трансильвании, а не пришлых, к началу же XIV века румынская стихия уже сильно размножилась и на первом месте через поглощение туземной славянской стихии – она съела Василей, Симов, Иванов уже в значительном числе; а поглощая уже письменных славян, романизуя их, валахи в то же самое время становились наследниками духовного богатства их, переняли грамоту славянскую, самый язык для высших интересов (в церкви, в канцелярии) от них, а затем разносили – в пределах возможного – чуждую славянскую культуру далее. Славянское же письмо в Трансильвании, как и сама славянская церковь там, могло иметь тот же источник, откуда и покорители славян здесь, мадьяры, заимствовали свои *pap, pentek szambat* и пр. – т. е. Панноно-Моравскую епархию св. Мефодия. Известно, что не из иного источника и кирилловское письмо на знаменитом «мешце» св. Стефана, венгерского первого короля.

1247. Король Бела IV жалует ордену иоаннитов «a fluvio Olte (=Алута) et alpihus ultrasiluanis totam Cumaniam (т. е. северную, нижнедунайскую равнину), excepta terra *Szeneslai* woiawodae Olahorum» (т. е. валахов, *olah* – в устах мадьяр). Таким образом, и воевода валахов, как секлеров, носит чисто славянское имя Сенослава или Станислава.

1247 (№ 148) упоминает село *Szen-Ivan*. И теперь оно, Szent-Ivány, в комитате Дубока. Иван, в отличие от южнославянского Иован, ру-

¹ Это место заимствуем у г. Ксенопола, оп. с., р. 99.

мын. Иону, восточнославянская (и паннонская) форма. Ср. comes *Iwan* под 1274 г., сын *Izulai*, т. е. Ярослава, ибо под 1284 г. – *Jeroslaus*.

1291 (№ 323) упоминается *magister Duruslaus, filius Duruslai*. Вторая часть сложного славянского личного имени ясна: *slaus* = *слав*. Но первая? От глагола *дрети*? Дерислав?

Грамоты.

1219 = *nomina uduarnicorum*... *Kuzma* (дважды), *Sime*, *Euga*... *Udyarnicus* = дворник, хозяин *mansionis* – см. ниже.

Kuzma = Кузма, *Sime* = Сима, *Euga* = Евга?

1227. *Homio Volcan*. Ср. Волкан, Вукан у сербов.

1231. «*Bujul filius Stoje. Truth* (выше и ниже тоже лицо *Truth*) *filius Choru*...». Для г. Ксенопола (ор. с., р. 60) в этих именах звучит румынский язык. Речь идет о купленной вотчине «*in ipsa terra Blacorum*» сыном Стояна и об уступке как родовой Труту.

Stoje – очевидно, славянское имя. *Truth* – объясняется из славянского языка: ср. в чешском *trout* или *troud* = наше *трут*, затем *angeschones Wild*; глагол *troutiti stossen*; ср. имя города *Trutnor*.

Неясно происхождение имен: *Bujul*, лица, купившего вотчину *Voie*, и *Choru*. Для первого имени сравним название самой вотчины, может быть, из *поле*, и славянские имена *Буй-Тур*, *Буй-Вол*. Относительно *Choru* г. Ксенопол замечает, что оно из *Tschiorou* из *Tschiorua* = *cornix*, ибо «в орфографии венгерских грамот средних веков *ch* читается *tsch*». Но не всегда.

1238. *Petro Bylocho* (ср. 1289 г.). Ср. чеш. *beloch* – белый человек. Ср. и родовое имя у нас – *Белоха*.

1244. *Mixa... Dethka de genere Scenthemagus*.

Mixa, вероятно, Миша; ср. выше *Сима*.

Dethka – у южных славян *Детко*.

1249. *Iwan Hogfalu et Volco*. Волк ср. выше.

1256. *Bob filius Olop*. Bob – см. *боб*.

1263. *Ivan wajuoda... Ladislaus Tatomerius et Stosyan...*

Tatomerius – ср. родовое имя Татомер у поляков.

Stosyan – вероятно, уменьш. от *Станислав*: **СТАЛА**.

1268. «*Luca cum tribus cognatis suis, nomine Kama, Nykon et Olyuerio*...».

Kama, вероятно, по ошибке вм. *Kuzma* (ср. выше).

Nykon – Никон, имя православнославянской церкви.

1271. «...*Zubuzlaus Siculus successive posséderai ...terra Obruth*» (теперь *Abrud-banya*).

Zubuzlaus = Собеслов, имя, уже раньше встретившееся между селерами, в высших рядах их.

1278. *Iako de genere Kaplyon* (раньше *Kaplon*). Ср. *каплун*.

1297. Nicolaus dictus *Chol* (вариант: *Csahol*) Ср. щегол или чехол.

8

3. Нарисательные слова

а) Общего значения.

Кочий — телега, воза — возница.

Гр. 1267 г. Король Стефан приказывает коменданту крепости Hunod (ныне Vajda-Hunyad) Левстаку (= Евстахию): «...firmiter damus in preceptis, nec secus factura sub amissione gratie nostre et indignatione ut unacum sufficienti apparatu et *populis nostris* et Zalad, Rhuda, Rhohozd¹ et aliis pertinentiis ejusdem castri nostri de Hunod sine mora levandis, ad nos nostrosque festinanter per partes finitimas properare debeas, apparatis bellicis super totidem *cochy* jugalibus vehendis et bene vasatis impositis».

Этим королевским указом повелевается поднять «королевских людей» из Селища, Руды и других мест, приписанных к крепости Гунияд, а для припасов военных иметь *cochy jugales*, т. е. воловы подводы с железной оковкой, *bene vasatis* (от мадьярск. *vas* — железо).

Слово *cochy* — славян. *кочий*, от славян к мадьярам, у которых *kocsi* — телега. Ср. в словацк. *kos* — телега, в чешск. *kocan*, в серб. *korujam* — возница. Ср. корень этого имени в *коч-евой*, *коч-евать* и пр. Писец писал грамоту на месте — in castro Feketeu — *holm*; снаряжались в экспедицию местные жители Селища, Руды и пр. Почему слово *cochy* мы и считаем местным.

ГЛЖЕОКЪ (поток), сокращено **ДЖЕЪ**.

Грам. 1278 (см. выше): «...et in *dumbo* potako descendit (т. е. межа) in rivulum Kuqueller...».

Писец, употребляя abl. s. masc. *dumbo* potako, глубоким потоком, латинизовал и правильно согласовал два славян. слова: прилаг. **ДЖЕЪ**, сокращение из **ГЛЖЕОКЪ**, (отсюда и комитат Dobok из Dombok) и сущ. *поток*. Производя эту своеобразную латинскую операцию, писец должен был понимать оба слова, слыша их как название известной местности у местных жителей, ибо просклонял без смешения родов. Вообще, можно допустить, что местные писцы понимали кое-что в славянской речи, когда наш, напр., правильно согласует латинское определение с славянским существительным: «in *ipso* Beregh», «in *uno* Byrch siluoso» и пр. (см. выше).

Иконом.

В этой славянской форме мы встречаем греч. *οιχονόμος* в грамоте 1213 года: «... Esau, domini Transsilvaniensis episcopi *укономо*...».

Важным подспорьем в утверждение нашего положения о принадлежности некогда Трансильвании славянскому элементу явля-

¹ Т. е. Селище, Руда и Ракош — см. выше, славянские местные имена.

ются славянские заимствования в языке немецком трансильванских «саксов». Первые поселения этих саксов относятся к половине XII века. Эти новые обитатели были выходцы из Нижнего Рейна, отсюда и титул их в грамотах — *plantatio flandriensis*. Затем немецкие колонисты появлялись в XIII веке при Андрее и позже. Эти новые трансильванцы организовались в две общины: «*fundus saxonicus*» на юге, по Алуте, и на севере — по реке Быстрице. К немецкому языку поселенцев по Быстрице мы обратимся: славянские заимствования в него могли войти только после половины XII или в начале XIII века — и от местных славян, ибо колонисты были прямо из Фландрии.

kafta — ein Frauenpelz. Ср. рус. *кафтан*.

kokesch der Hahn. Очевидно, слав. *кокош* — петух.

Отсюда и наше кокошник, собственно головной убор как у петуха. Полагаем, что это трансильванское *кокош*, сохраненное местными немцами, — побочная форма с *кокот* — петух, что в Мариинском Четвероевангелии.

krell из слав. корали.

tulek ein junges Rindvieh. Из славянск. **тѣла**, *теленок*.

В немецком наречии Германштадта:

Owätsch — Ring, Reif, из слав. **оѡрачъ**?

Правда, все эти данные убоги, найденные нами в старом трансильванском журнале начала нынешнего столетия («*Siebenbürgische Quartalschrift*», V, 258–259, 384), но они, бесспорно, с интересом, и сведущие люди в этой области, без сомнения, могли бы значительно увеличить предложенный скудный список славянских заимствований в языке немецких колонистов Трансильвании.

б) Особенного значения

ВОЕВОДА.

Уже во второй грамоте 1176 года мы имеем: Nicolaus *woyuoda* Transilvaniae. *Woyuoda*, т. е. воевода — это главный правитель и судья страны, представляющей лицо короля, но «*pro tempore constitutus*», т. е. назначаемый на срок, а не пожизненно. Понятно, воевода почти в каждой грамоте. При подписании королевских грамот воевода подписывался после духовных сановников и палатина. В более ранних документах, от начала XII века, воевода титулуется просто князем Трансильвании: в 1103 и 1113 год. подписан свидетелем Mercurius *princeps* Ultrasiluanus.

Под воеводой, под его «*auctoritas vojvodalis*» (выражаясь языком грамоты 1248 года), стояли графы, *comites* отдельных комитатов. Уже во втором документе, Перест 1103 г., упоминаются *comites*. Еще ниже стояли *officiales* (rp. № CLVII).

Ввиду многомошной власти воеводы (собственно, два воеводы)

понятны те клаузулы в привилегиях немецким колонистам Трансильвании, которыми эти новые граждане края заботливо изымались из-под воеводской власти. В подтвердительной грамоте 1206 г. колонисты освобождены совсем от юрисдикции воеводы: «...*nec vay(uoda) suo adstare iudicio compellat... nec aliquis vojvodarum descendere super eos possit*» (№ VIII). Те же изъятия и позже в иных грамотах, напр., гр. 1289 г.: «*quod nullus woiaвода... populos... presumat indicare, aggravare, infestare atque perturbare*». Позже встречается и товарищ воеводин — *vicevojovoda*, из числа графов: «...*litteras comitis Benedicti vicevojovode Transilvani*» — в гр. 1291 г.

Слово пишется разнообразно, но никогда в той утлой форме, в которую оно сократилось у мадьяра — *vajda* — и румына — *vad*, а всегда в легко восстанавливаемой основной славянской форме из двух ясно различаемых слов: **вои-вода**. Так, *vojvoda* гр. 1199, *vayvoda*, *wajvoda* гр. 1201, *vayuoda* гр. 1202, *vojavoda* гр. 1206, *woiawoda* гр. 1220, *woyawoda* гр. 1221. Ошибочно: *vaynoda* гр. 1211. Слово славянское склоняется правильно, по I латинскому склонению, и от него произведено даже латинское прилагательное — *vajvodalīs*.

Все равно, термин **вои-вода** выработался ли у славян самостоятельно из осознанной потребности в крупной центральной власти, при осложнявшихся условиях общественной жизни, или, что кажется вероятнее, буквально переведен с немецкого *Heerzog*, как мадьяры перевели славянский термин своим *hadvezer* (*had* — войско, *vezer* — вождь) — ибо вся терминология у славян для обозначения различных форм высшей власти не своего происхождения — **король**, **князь**, **каган**, **бат**, **кмет**: для нас важно присутствие славянского государственного термина **воевода** уже на первых листах документальной истории Трансильвании как указание на славянский характер жизни страны при начале мадьярского государства.

Понятно, что румыны нынешней Валахии, выселившись позже из Трансильвании в якобы *desertum Cumanorum* и начавши здесь организоваться, могли только повторить на новой родине старую государственную организацию своей прежней страны: они сложились в воеводство с воеводой во главе. Отсюда и в грамотах румынских титул **воевода** остался навсегда¹.

дворник.

В грамотах часто встречается слово *udvarnicus* со значением владельца усадьбы, хутора, *mancionis*. В грамоте 1219: «*nomina autem memoratorum vduarnicorum, in eadem terra commorantium, hec sunt: Kuzma, Bese...*» (XV). *Udvarnicus* от слав. *двор* (через мадьярскую форму *dvar*), владелец, хозяин двора. В иных памятниках Венгрии —

¹ Ср. Xenopol, op. c., p. 108, прим.

udvornicus, след., прямо от *двор*. Славянское *двор* пустило глубокие корни в мадьярский язык: *udvar* – Hof, *udvarnal* – bei Hofe sein, *udvari szokas* – Hofdienst и пр.

Полагаем, что и в Древней Руси слово *дворник* имело первоначально тоже трансильванское значение свободного хозяина дома и только потом получило значение жильца, слуги, холопа¹. В Венгрии же судьба *дворника* была иная: *дворники* стали специальными слугами королевскими (отсюда особенное развитие понятия *дворник* в мадьярском языке), т. е. королевской *дворней*, и развились в сословие, близкое к дворянскому². И у нас название самого дворянского сословия от того же слова *двор*.

КЪНАЗЪ.

Много реже, чем *воевода*, встречается этот второй бытовой славянский термин и притом не в своей самостоятельной форме. Именно мы встречаем это славянское слово в форме *knezius* (реже) и *kenezius* (чаще), откуда и латинский термин *kenezatus* в грамотах Трансильвании XIII–XIV веков (особенно местностей по южному склону Карпат, в так называемой Малой Валахии) и со своеобразным содержанием. Так, в грамоте 1301 года ввиду того что *Ursus knezius* жаловался на бесчинства валахов около *Udvordhel*, король Владислав повелевает, что валахи «*praestent tamen knezio ipsorum prestanda*». Но в грамоте 1319 на *comes de Kraso* жалуется *Bach kenezius*; также и в грамоте 1343 года *Бракан*, жаловавшийся о свиньях, – *kenezius*³). Ясно, *kenezius* – правильно мадьярская форма для *knezius* = серб. *кнезь*, **КЪНАЗЪ**.

В половине XIII века, после опустошения Венгрии монголами, король *Бела* в предупреждение подобных наездов призвал на юг Трансильвании орден св. Иоанна Иерусалимского или *храмовников*, собственно в четырехугольник, который образуется с двух сторон Дунаем, с третьей – *Алютой*, с четвертой – *Карпатами*, предоставив им во владение как эту страну, так и весь край на восток по Дунаю – «пустыни куманов», т. е. теперь *Валахию*. Но нас интересует географическая сторона жалованной грамоты *храмовникам* 1247 года – территориальные клоки каких-то полунезависимых, вассальных владений в ней и их официальная кличка.

¹ В Ладогe было всегда нетяглых дворов: двор *наместника*, двор *зелейный*, на котором жил *дворник* (Чучелин, «Города Моск. государства в XVI столетии», стр. 40).

² См. замечания проф. Пича в его «*Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht*» (1882, стр. 243, прим.), где собраны отрывки из документов о позднейших «дворниках».

³ *Hurmuzaki E.* «Documente» и пр. I, p. 554, 687.

«Damus, – говорит Бела, – dicte domui (т. е. ордену) totam terram de *Zewrino* pariter cum *kenezatibus* Ioannis et Farcasii usque ad fluvium Olte, excepta terra *kenezatus* Lyrtioy (вариант Linioy) voiaode, quam *Olachis* (т. е. валахом) relinquimus prout iidem hactenus tenuerunt; ita tamen, quod medietatem omnium utilitatum et servitiorum de tota *Zewrini* memorata et *kenezatibus* supra nominatis provenientium nobis... reservamus» (№ 147; ср. Хéнопол, 108, пр.). Таково было распоряжение короля относительно указанного четырехугольника, или теперь Малой Валахии. Что же касается Кумании, т. е. пространства на восток от Нижней Алюты, то и она передавалась ордену на тех же условиях и с аналогическими изъятиями – «excepta terra *Szeneslai* voiaode Olahorum, quam eisdem relinquimus, prout iidem (т. е. валахи) batenus tenuerunt».

Terra de *Zewrino*, или *Zewrini* называется так по городу Турн-Северину на Дунае, у самой границы с нын. Трансильванией. В этой-то земле лежали, между прочим, два *kenezatus*, Ивана и Фаркаша, переходившие теперь ордену; но третье *kenezatus*, воеводы Лиртиоя (!), оставалось на прежнем основании, т. е. оставалось в прямой зависимости от венгерского короля и предоставлялось валахам, «как они, валахи, и раньше имели это *kenezatus* в своем владении».

Если же категорически оговорено, что третье *kenezatus* оставляется свободным для валахов потому именно, что они и раньше здесь жили, то уже отсюда следует заключение к обратному, что другие два *kenezatus* были свободны от валахов, хотя и были с людьми, населенные. Мало того, из дальнейшего изложения грамоты 1247 года видно, что terra *Zewrini* с ее *kenezatibus* была населена; в ней жили не только рабочие люди – дворники, но и какие-то дворяне – «maiores terrae», которые, безусловно, изымались из-под власти ордена и оставались при венгерской дворянской привилегии – в судебном деле обращаться к королю, «ad nostram curiam valeant appellare».

Какого же племени могло быть население обоих *kenezatus*? По имени владетелей, Ioannes, Farkas, можно бы думать, что были мадьяры, ибо *farkas* в мадьярском – волк. Но имя Farkas могло быть только случайным переводом слав. волк: в грамоте 1252 года (почти современной) мы находим *comitem de Volku*; а главное, мадьяры как народ, кроме небольшой кучки секлеров (*Siculi*), и в узких границах Трансильвании были неизвестны. Не могли быть и немцами-колонистами, ибо немцы призывались. Остаются одни славяне, как это ясно указывается самым названием земельных участков Ивана и Фаркаша – *kenezatus*.

Kenezatus, латин. имя 4-го склонения, произведено от славянско-

го князь при посредстве мадьярской формы его – *kenez*. Следов., *kenezatus* буквально *княжество*, и Иван и Фаркаш какие-то князи. Почему г. Ксенопол и переводит: «les knézats (principautés) de Jean et de Farcas» (op. c., 106). Но и сами те князи, Иван да Фаркаш = *волк* могли быть славянского происхождения. Это поддерживается чисто славянским именем владельца подобного же земельного клокa *in terra Cumanorum* и воеводы даже и валахов – *Szeneslai*. Мы это имя уже встречали раньше у графа секлеров, тоже неславян. Наконец, можно полагать, что и валашский удел, но сю сторону Алюты, независимый от ордена и названный также *kenezatus*, имел князя с славянским именем: ибо славянизм его князя – «воеводы» ясно просвечивается в испорченном личном имени *Lyrtioy*, var. *Linioy*. Ср. *Буревой, Боровой, Хотивой*.

Что же это могли быть за полунезависимые, вассальные князья в горах Трансильвании и на Дунае, владельцы всех тех «*kenezatus*»? Вероятнее всего, эти князья были главными из тех «*majores terrae*», о которых говорит сама грамота 1247 года, были чем-то вроде сербских кнезов или князей, старейшин волости – *majorum terrae*: в эпоху турецкого владычества некоторые «кнезы» были совсем вассалами турок, полными владыками у себя дома. Приведем характеристику сербского «кнеза» из изв. «Рјечника» В. Караджича, из личных воспоминаний знаменитого этнографа. Она дает ключ и к пониманию трансильванского кнеза, в его «*kenezatus*».

«В Неготинской области не турки судили и управляли, но кнез, который сидел в Неготине: он собирал и порезу (подушную подать), и остальные подати у народа, и деньги в установленном количестве, передавал бегу, который приезжал из Константинополя. Подобного рода *кнежински кнезови* в Герцеговине сегодня называются воеводами. Такое княжество (т. е. власть и достоинство кнеза) переходило от отца к сыну, как переходит воеводство в Герцеговине, и даже тогда, когда турки которого-либо князя обвинили и казнили, на его место ставили всегда сына или брата».

Таким образом, получается аналогия между князем (кнезом) – воеводой у сербов XVIII–XIX стол. и князем *kenezatus*'а Северинской области и Придунайской равнины из половины XIII века: сербские «кнезы» были своего рода вассалами падишаха, как те венгерского короля – внутри же, дома, вполне независимые владыки-управители. Одинаковый же славянский институт князей – «кнезов» говорит и об общем – славянском – виновнике его, а вместе и о славянской социальной жизни на Дунае и в Трансильвании в XIII столетии. Перевод же у Ксенопола термина *kenezatus* словом *княжество*, очевидно, неточен. Вероятно, и непереводаемость в грамотах имени

славянского института вызывалась своеобразным содержанием последнего¹.

Здесь мы оставляем грамоты, которые были так долго верны нам. Они языком своих местных и личных имен, случайно перепавшим славянским словом и некоторыми социальными терминами позволяют нам утверждать присутствие славянской стихии в Трансильвании в их эпоху и в эпоху более раннюю, ибо крещение страны не совершается от разу, а предполагает, что народ живет уже века. Но неестественно полагать, что славянская стихия ограничивалась строгими пределами Трансильвании: действительно, мы видим ту же стихию и на меже Среднего и Нижнего Дуная, в «княжествах». Но та же стихия шла и в западном направлении от границы Залесья. В этом отношении любопытна жалоба папы Иннокентия III (от конца XII века) на революционный дух славянского населения архиепископии Колочской, возмущавшегося десятиной. «Significante venerabili nostro Colocensi archiepiscopo, ad audientiam apostolatus nostri, — писал папа королю Венгрии, — noveris pervenisse, quod cum in diocesi sua sint quamplures ville, in quibus Sclavi habitant, archiepiscopo decimas exhibere contempnunt. Quoniam igitur de regia serenitate confidimus et speramus, ut ecclesias et earum ministros diligas, ut earum commodis exemplo progenitorum tuorum diligenter intendas,

¹ Старик Фесслер, переводя термин *kenezius* словом *Oberaufseher*, замечает: «An die Abkunft des in ungrischen Urkunden vorkommenden *chenez, kenez, kenezius* von den Slawischen князь, Fürst, mögen wir nicht glauben» («Geschichte der Ungern», IV. Theil, p. 1012, прим.). Фесслера могла смущать мелкость трансильванского *kenez'a* сравнительно с представлением о славянском князе. Мы видели выше, что один из таких *kenez'ов* жалуется на увод нескольких свиней. Впрочем, если бы Фесслер знал о судьбах многих севернорусских князей, превратившихся просто в крестьян или совсем захудалых, то не стеснялся бы видеть в своем *kenez'e* отражение слав. князя. Но уже совсем не можем понять, каким образом наши *kenez*, кнез, князь и *kenezatus*, власть и область *kenez'a* могут составлять часть обычного «валашского права» (*jus valachicum*), как этому учит г. Пич в своем мемуаре «Die rumänischen Gesetze und ihr Nexus mit dem byzantinischen und slavischen Recht» (Prag., 1886, p. 17). Мемуар вышел и в французском переводе в Букареште: «Les lois roumaines et leur connexité» и пр. (1887). Наше место — стр. 28: «ce qui est le plus caractéristique au sujet du *jus valachicum*, ce sont les *knezi* et les *keneziuts* valaques...».

excellentiam tuam rogamus atque monemus per apostolica scripta mandantes, quatenus *memoralos Sclavos*, ut decimas debitas prefato archiepiscopo sine diminutione persolvant, tradita tibi potestate compellere non omitias»¹. Таким образом, и здесь многочисленные деревни были населены славянами, думаем, теми же Кузмами, Василями, Симами, Иванами, которых мы находили в грамотах XII – XIII вв. Трансильвании, с церквями и, конечно, славянского обряда св. Мефодия Паннонского, но служители коих уже пытались перевести свою славянскую паству в стадо папское. Овцы кричали, бунтовали...

Если еще недавно мадьярская историческая наука свободно обращалась с такими глубокого значения доказательствами исконого присутствия славян на Среднем Дунае, какие предлагает топонимия Трансильвании, и легко утверждала, что именно мадьяры из всех современных обывателей Венгерского королевства имеют историческое старейшинство, старее всех прочих², то теперь, ввиду политических притязаний необыкновенно разросшихся румын, она отреклась от прежнего увлечения, оценила значение для истории данных языка и вышла на прямую дорогу.

«Насколько распространен, – говорит позже тот же корифей мадьярской науки, – язык мадьярский, от Прессбурга и Эденбурга и до крайней восточной границы Трансильвании, везде он предлагает одно и то же лексическое содержание и указывает всюду одни и те же славянские элементы, которые принадлежат одному и тому же социальному строю. Таким образом, мадьярский язык доказывает, что мадьярская оккупация везде, на целом пространстве Венгрии и Трансильвании, застала одно и то же славянское народонаселение, которому язык мадьярский обязан столь многими славянскими словами. Это свидетельство языка утверждается еще многочисленными славянскими местными именами даже на территории, которая сегодня занята румынами, и является прямо неотразимым. Если бы на восток от Тисы было бы оседлое румынское население, то ма-

¹ *Theiner. Vetera monumenta Slavorum meridionalium*, I, № 6.

² «...So sind unter allen übrigen Nationen des Landes die *Magyaren* die ältesten Bewohner desselben. Nahezu 1000 Jahre sind es ...; eine solch ununterbrochene Continuität der Geschichte findet man in unserem Lande nicht so weit das Gedächtniss Klios in das Dunkel der Zeiten zurückreicht». Словами этими г. Гунфалви заключает свою во многих отношениях прекрасную «*Ethnographie von Ungarn*» (Pest, 1877). Здесь много красноречия, но мало правды. Мы пользовались переводом Швикера; оригинал немного ранее.

дьярский язык столь бы охотно перевел в себя румынский элемент, как он усвоил себе славянский»¹.

Гунфалви как будто здесь не отрицает вообще бытия румын в Седмиградии в эпоху появления мадьяр, но допускает их только в виде пастухов. И действительно, уже много позже – в XV столетии – румыны не перестают фигурировать в виде пастухов, по признанию самого г. Ксенопола (op. c., 108). Но главное – тон жизни, тон культуры Трансильвании во время мадьярской оккупации давали славяне, и они одни – единственные учителя мадьяр в целом ряду потребностей культурной жизни. Что румынская стихия была давно на восток от Тисы, лучше всего показывает то обстоятельство, что уже в грамоте 1234 упоминается Сатмарский комитат – «in comitatu de *Zotmar*»², а это имя чисто румынское: *satu* – поселение, *mare* – большое.

В заключение этой главы позволим себе сказать слово в защиту столь поносимого безвестного нотариуса короля Белы. Ужели он лжец и тогда, когда, по преданиям, передает, что ко времени прибытия мадьяр в Трансильванию «*habitatores illius terrae*» были «*Blasii et Sclavi*» – т. е. волохи и славяне? Ведь эти общие этнографические сведения о состоянии страны в то время аноним без труда мог почерпнуть «*ex falsis fabulis rusticorum*» – сельчан и, вероятно, сельчан славянских... Заметим форму у него *Blasii*, обязанную славянскому именительному множ. числа Власи. Но его ужасная характеристика тех влахов и славян – «*viliores homines totius mundi*», то она может быть приложима только к первым – одичалыми пастухам, влахам, каковыми они и сегодня от Днестра и до Тисы. Можем быть, не случайно аноним на первом месте ставит волохов: в его время (XIII в.) славянская стихия, вероятно, заметно распускалась в румынской и за счет ее расширялась последняя, т. е. страна дичала, валашилась.

Наконец, ввиду неопровержимости факта – глубокого культурного влияния местных славян на мадьяр, как свидетельствует язык, ввиду существования в стране даже в XIII столетии каких-то славяно-валашских воевод, князей, и в значительном числе, полагаем, что не одна ложь в словах анонима о славянских «воеводах» и «князьях» Трансильвании при прибытии мадьяр: они должны были существовать тогда там, ибо славяне уже не были стадом, а позднейшие же «воеводы» и главы «*kenezatus*» могли быть только эпитомами тех IX, X столетий. Ведь не мадьяре же, войдя в страну в X столетии, внесли в нее из своего «государственного» права чисто

¹ «Über rumänische Geschichtschreibung und Sprachwissenschaft» в «Literarische Berichte aus Ungarn», 1878, III, из рецензии на эту статью в «Magazin für die Litteratur des Auslandes», 1879, №1, p. 12.

² Teutsch-Firnhaber, op. c., p. 58.

славянские институты воевод, князей-кнезов, как это так прекрасно иллюстрирует почти современный нам сербский быт.

10

После всего вышеизложенного особенной исторической прелести для историка-этнографа иметь не может встреча чисто славянской формы названия реки Тисы у Эйнгардта: *Tiza* (*Annales*, под 796 г.), как будто скопированного Багрянородным: *Titza*. Но зато с тем напряженнейшим вниманием он прислушивается к отголоскам славянских, так сказать, мотивов в местных исторических памятниках из более раннего времени, чем эпоха биографа Карла Великого, для уяснения себе, в пределах возможного, главного вопроса: да как давно сами славяне альпийского края Среднего и Нижнего Дуная у себя дома? Эти славянские отголоски есть, хотя, естественно, они очень редки. Понятно и любопытство, возбуждаемое ими. Тут даже и чистая археология принесет историку-этнографу свое ценное приращение.

В 1799 году, на берегу реки Араньки (*Aranyka*) в местечке *Nagy-Szent-Miklos* комитата *Torontal*, вблизи реки Мароша, в саду своего дома одним поселянином по имени Нерой Вуйным сделана была дивная археологическая находка: он выкопал целые 23 крупных предмета из чистого золота. Чтобы судить о материальной находке, достаточно сказать, что те предметы весили 1678½ дукатов. Но еще многоценнее была археологическая и историко-научная сторона дивной находки – теперь украшения императорского кабинета в Вене. Нас лично будет интересовать историко-этнографическая сторона.

Торонтальский комитат – низменность между исторической Борзавой («*Bersobis*» имп. Траяна) с юга, Нижним Марошем с севера и Тисой с запада. Самый же Сент-Миклош на Араньке (ср. мадьяр. *arany* – золото), между Сегедином и Арадом. Река же Марош соединяет комитат с Трансильванией, этим историческим золотым долом.

Простой мадьяр золотые сокровища Сент-Миклоша соединяет с именем Атиллы, и он не ошибся в определении эпохи, конечно, случайно. Христианский характер эпохи, к которой принадлежат предметы клада, не подлежит сомнению: об этом говорят встречающиеся на них кресты, затем нахождение среди них большой крестильницы; греческие же надписи и самый стиль богатой отделки с массой резных причудливых украшений позволяет, по мнению специалистов, отнести предметы ко времени между III и V веками по Р. Х., а самая работа – дело мастеров Восточной, греческой Европы.

Но из всех этих многочисленных предметов золотого клада для нас имеет глубокий интерес один – золотая чаша, или блюдо №

21 каталога их. Внутри блюда вырезан изящный четырехконечный крест с густыми плетениями в промежутках частей креста и с выгравированной греческой надписью крупного устава кольцом вокруг всей площади креста. «Эта круглая чаша, — говорит новейший исследователь Сент-Миклошского клада д-р Иосиф Гампель, — принадлежит по причине как своего письма, так и своей орнаментики к самым важным предметам найденного сокровища... Некоторые из прежних исследователей ставили под сомнение одновременность надписи и чаши. Я же, с своей стороны, к такому сомнению не нахожу никакого достаточного основания»¹.

Полагая, что как эта великолепная чаша, так и все предметы клада — памятник позднегреческого христианского искусства, принадлежащие такой *terra incognita*, как Трансильвания, достойны самого внимательного изучения русских археологов, знатоков истории искусства темного периода — IV, V столетий², мы переходим к самой надписи, насколько она входит в круг интересов вопроса о давности славянского элемента в Трансильвании.

Развернутая в прямую линию уставная надпись — «*die schönen griechischen Uncial-Buchstaben*»³ — представляется в следующем виде:

† ΒΟΥΝΛΑ • ΖΟΑΠΑΝ • ΤΕΣΗ • ΔΥΓΕΤΟΙΓΗ • ΒΟΥΤΑΟΥΑ •
ΖΩΑΠΑΝ • ΤΑΓΡΟΓΗ • ΗΤΖΙΓΗ • ΤΑΙΣΗ

«Как мы видим, — говорит г. Гампель, — крест начинает надпись, и точки разделяют слова. Более точной расстановки знаков препинания мы не найдем ни в публичных надписях, ни в кодексах. Мы имеем, таким образом, дело с рачительно сделанной надписью»⁴.

Но в передаче звуков та же рачительность? Нет, не то. Это видно из различного изображения одного и того же слова: ΤΕΣΗ = ΤΕΙΣΗ.

Чтение самой надписи трудное. Многие ученые пытались дешифровать ее, но, не исключая г. Гампеля, очень неудачно. Мы сов-

¹ Dr. Josef Hampel, «Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós» в сборнике своим разнообразным содержанием частном журнале Магварской академии наук «*Ungarische Revue*», 1885, p. 118.

² В результате своих исследований над стилем отделки и рисунков д-р Гампель приходит к такому интересному для нас, русских, заключению, что предметы Миклошского клада связываются с художественными работами Пантикапеи-Керчи... Он справедливо указывает, что Νεά 'Ρωμή была тогда новым городом.

³ Hampel, *op. cit.*, p. 598.

⁴ Там же, p. 599.

сем далеки от намерения делать новую попытку: но нас интересует лишь одно, дважды повторенное и бесспорное для всех исследователей слово, это ЗОАПАН = ΖΩΑΠΑΝ. Все прочли и истолковали его одинаково, что оно – славянское *жоупан*, в котором коренной гласный *оу* передан через дифтонг *оа*.

В надписи явно различаются две части; в обеих второе слово одно – жоупан, но первое различно: в одной – ΒΟΥΗΛΑ, в другой – ΒΟΥΤΑΟΥΑ; но, очевидно, то и другое – личные имена. Но как же истолковать эти имена обоих жупанов? Попыток была масса, но насколько они бывали смелы, видно из того, что даже г. Гампель, вообще исследователь осторожный, хотя и говорит, что «из имен обоих князей (!) с достоверностью нельзя заключать к их национальности», но сам же делает невозможное толкование. Г. Гампель в ΒΟΥΗΛΑ видит имя, близкое к остготскому *Baduila* и гепидскому *Ovilas*; в конце же второго имени ΒΟΥΤΑΟΥΑ слышит древнегерманские концы личных имен *aulf*, *ulf*, и в заключение у него вылипливаются два гепидских князя, и именно «князя», хотя и сам читает: «die Zsupane»¹. Впрочем, надо прибавить, что в продолжение своего труда г. Гампель при титуле «Gepidischen» сам ставит знак вопроса². Относительно написания обоих личных имен вспомним только, как чудовищно писались местные и личные имена почти спустя тысячу лет в грамотах Трансильвании. Как тут разбираться! Очевидно, из обоих имен можно вытягивать любое чтение. Ведь и в славянском ономастиконе есть много имен на *-л*, *-ло* (суффикс прич. прош.): вспомним чехо-моравские имена: Поспишил, Прецехтел, Замазал; русские: Борило, Добрило, Твердило... У г. Гампеля сравнения смелые, а главное – не о князьях («Theilherrscher», т. е. удельный князь, переводит позже г. Гампель, ор. с. 1886, 480) говорит знаменитая надпись, а о владыках чисто славянского быта – жупанах, следов., и об институте чисто славянском.

Седая-праседа старина лежит за нашим словом *жупан*, почему и анализ его так труден. Но вести ли историю этого бытового термина от первоарийской старины, как делает Pictet, или нет, – для нас исторически важно одно, что где жупан, там и славян, что в историческое время *жупан* – и слово, и институт – принадлежит едино славянскому языку. Вспомним византийцев, у которых владыки переселившиеся сербов титуловались *ἀρχισουλᾶνος, μέγας σουλᾶνος*, общераспространенность слов *жуна* и семасиологическую связь между хорватским *жупан* – священник и польским *ksiądz, książe*.

¹ Там же, 602, 598 прим.

² «Ungar. Revue», 1886, p. 433.

Еще Шафарик заметил, что жупан больше, чем князь¹: действительно, о второстепенной роли князя свидетельствует и сербский язык, и «князи» трансильванских «*kenezatus*».

Что надпись чаши говорила именно о жупанах как славянских савонниках, не сомневался ни один из исследователей клада; только некоторые из них, воспитанные в предрассудке, что о славянском элементе III–V столетий на Среднем Дунае и помыслить нельзя, переводили обоих жупанов в X столетие: «Надо думать, — замечает г. Гампель, — ввиду встречающегося в надписи титула *ζουπάν*». «Но этому датированию, — продолжает тот же исследователь, — противоречит палеографический характер надписи. Нет никакого основания для подобного позднего датирования»².

Еще труднее разобрать остальные слова надписи. Г. Гампель видит в них перечень земель, где воеводили оба жупана, причем вспоминает и Тирас, и тирагетов (бессарабцев старого времени), — но везде одна натяжка. Может быть, и здесь личные имена: ср. *Тьша* из *Тихомил* (сын Уроша, пращура Неманичей). Но каково бы ни было это толкование, не оно решает вопрос о древности клада, а стиль, характер работы и письма: клад из III–V столетий. Для двух славянских жупанов полугреческими, полуварварскими художниками — «беглецами» из нашего юга, из Пантикапеи, думает г. Гампель, изготовлялись золотые предметы и, вероятно, в стране, искони плававшей в золоте — в Трансильвании, и, кажется, в связи с делом проповеди христианства тем славянским жупанам — крестильница для крещения...

Таким образом, оба жупана золотой надписи позволяют этнографу полагать славянский элемент на Среднем Дунае и в эпоху Аттилы. Вспоминать ли при этом о приисковых *ὁ μέδος ἐπιχωρίως χαλούμενος*, т. е. на месте, на Среднем Дунае, и иордановой *strava* — народных поминках по Аттиле? И оба жупана, и оба эти слова так прекрасно поддерживают друг друга; нам же пора примириться и со славянством *меда*, и со славянством *стравы*, и со славянами на Дунае в V веке. Любопытно, что, по новейшим расследованиям мадьярским, ставка Аттилы была около Сегедина, следов., вблизи нашего Сент-Миклоша. Не от «*strava*» ли ведут свою подземную историю золотой клад и наши «жупаны»?..

11

Но, не выходя из той же области Среднего Дуная, если мы спустимся еще на несколько веков назад от эпохи «*strava*» и *ζοαпан*-ов, но и там мы встретимся со славянскими отголосками.

¹ «*Starožitnosti*», II, 272, прим. 38.

² 1885, p. 607.

Кто только не глумился над теми исследователями минувшего славян, которым во второй основанной Траяном колонии в Дакии – *colonia Zernensis*, иначе *Tsierna*, *Zerna* – слышался отзвук славянской речи? Смеялся и крупный ум, и мелкая букашка...

Но уже Момсен в своем знаменитом «*Corpus inscriptionum latinarum*», т. III, останавливается (№ 1568 «...stationes *tsiernen*») на связи имени императорской колонии и имени протекающей тут речки Черной: «*Tsierna quin fuerit ubi fluvius etiamnunc Cserna dictus influit in Danuvium prope Orsovam veterem dubitari nequit*», – объявил Момсен¹. За ним Кипперт нестеснительно провозгласил, что имя второй Траяновой колонии – «*die einzige alte Spur slavischer Sprache in dieser Gegend*» – удержалось в притоке Дуная, Черна². Мы соглашаемся с г. Киппертом в том, что *Tsierna* – «единственный след» присутствия славян на Дунае времени знаменитого покорителя Дакии, так как этого признания для нашей цели вполне достаточно: тут и одна ласточка делает весну – хотя против «единственности» кое-чем можно бы возразить. Прибавим только, что в *Черную* впадает *Белая река*³; что здесь на левом и правом берегах Дуная и около рассыпаны имена от славян. корня *черн*: Чернец около Турну-Северина, гора Черна (при соседней горе *Nyegru*, что по-румынски значит тоже черный), *Csernedia*, *Csernoj*, *Csernatfalva*; в Сербии: Черниград, село Чернац⁴; что сейчас за Оршовой, в знаменитом и грозном «*Kasan-pass*», еще и сегодня в отвесных скалах сербского берега следы исторического Траянова моста – в виде черных дыр или гнезд, зияющих на пространстве около версты, а главное, что *colonia tsiernensis* должна была получить свое имя от реки Черной, а не наоборот. Ибо таков закон образования местных имен.

¹ Р. 248.

² «*Lehrbuch der alten Geographie*». Berlin, 1878, p. 337.

³ *Bellarega y Ignaz de Luca* «*Geographie des Königr. Ungarn*», p. 331.

⁴ «*Antiquarius des Donau-Stroms*», Francf. a. M., 1785, II B., p. 741, 742.

«Ниже Старой Оршовой вживается в Дунай *Черница* или Черна-река, как бы по-немецки *Das Schwarzewasser*», там же, p. 727. В двух часах на Черной лежит знаменитая Мехадия, *Ad Aquas* римлян. «Драгоценные памятники, здесь находимые, – несомненное доказательство ее старины. В 1736 году гр. Гамильтон нашел массу статуй и надписей, которые теперь в передней зале Венской публичной библиотеки» (там же, 728). Прибавим к слову, что летом наст. года нам пришлось быть в *Turnu-Severinu*: здесь надгробия с латинскими надписями, статуи, расставленные в ряд под открытым небом, стоят в общественном саду – *Gradina publica* – ясный знак, какая классическая почва кругом.

Таким образом, славянскую стихию Трансильвании мы спустили далеко вниз и свели ее на очную ставку с победоносными легионами Траяна.

Путанно, хотя-нехотя, и сам румынский профессор г. Ксенопол вынужден исповедовать тот же взгляд. «Что касается имен славянских в Трансильвании, — говорит он, — то они перемешаны с румынскими теснейшим образом. Это знак, что их происхождение восходит очень высоко — к самой эпохе образования румынского народа... Славяне, бесспорно, были более древними обитателями Дакии, чем мадьяры или немцы. Исчезнувший славянский народ должен был быть в соприкосновении на первом месте с румынами, чтобы передать им свои названия, почему и румыны должны были также быть раньше в этой стране, чем мадьяры или немцы»¹.

12

Горячий патриот г. Ксенопол, подводя итоги своими экскурсиям в область средневековых грамот Трансильвании, которые рассмотрели и мы, приходит к заключению, что «общественное состояние румын (Olahi), какое предлагают нам старейшие документы Залесья, нисколько не напоминает о кочевом народе пастухов: это быт земледельцев, собственников земли, сформировавшихся в полунезависимые государства под властью князей, владевших зачатками цивилизации»².

Под этим выводом подпишемся и мы, но с одной поправкой. Румынский профессор занес на счет (conto) своих валахов-пастухов, всегда отличавшихся плодovitостью и способностью поглощать иную стихию, все те цивилизационные элементы, которые принадлежат едино историческому хозяину Залесья — славянам. Думаем, что и беспристрастный читатель, если он найдет для настоящих томительных, однообразных страниц, примет нашу поправку. Да и сам Ксенопол признается, что славяне уже были в деле, на своих местах, когда румыны там только формировались.

Но могли ли славяне Залесья, видевшие Траяна и его кентурионов, говорившие юсовым языком топографических имен страны, так этнографически быстро исчезнуть, распуститься в валахах? Известно, что давно уже хозяин Залесья — румын. Если у нас, у Верхней Волги, тверские карелы живут еще своей жизнью, хотя и в виде этнографического анклава, отчего же в Трансильвании славяне исчезли давно и бесследно? Отчего там от тех почтенных славян с культурными талантами не сохранилось даже и того, что представляет финский островок Тверской губернии?

¹ Оп. с., р. 164, 166.

² Там же, р. 108.

Но мы напрасно сетуем на измену не в пользу славян хода жизни в нашем Залесье: и там твердо, упруго сохранял себя славянский элемент, как и финский на Верхней Волге, почти до наших дней; только о том не догадывались мы...

В 1822 году наш первый энергический путешественник среди австрийских славян П.И. Кеппен, *consiliarius ab intimis* знаменитого адмирала Шишкова, случайно попал на юг Трансильвании и наткнулся было на горсточку каких-то славян там. Он занялся даже ими, но затем забыл, хотя и отметил их в своем историческом плане ученого славянского путешествия, появившемся в «Библиографических листах». Когда же через 20 лет подневольный житель Одессы Н.И. Надеждин повторил путешествие Кеппена в Трансильванию (сведомый о его плане) и стал разыскивать тех славян, ему указали лишь одни свежие славянские могилы.

В 1856 году академику Миклошичу удалось получить славянскую рукопись 1830 года из Трансильвании. Она была им издана под заглавием «Язык болгар из Седмиградия». «В его болгаризме, — говорил знаменитый славист, — не может быть ни малейшего сомнения» («*Denkschriften*» Венской академии, VII, 106), и с того времени славяне стали ходить под кличкой старых болгар, как в прошлом столетии у изв. Аделунга в «Митридате» они же титуловались сербами. Взглянув на «болгар» как на этнографический курьез, не придавали им никакого особенного исторического значения; пытались даже определять время переселения их из Болгарии... Через двадцать лет, в 1875 году, посчастливилось нам отыскать и разобрать в Пештском национальном музее (*Némcet Museum*) небольшую рукопись с скромным заглавием «*Cantilenae sive specimina linguae ruthenicae et valachicae in Transylvania, Saec. XIX*». О рукописи и языке ее мы распространяться не будем: о ней мы говорили в «Отчете из-за границы» (Одесса, 1876, 48—52); языку ее отвели мы самостоятельное место — «Славяне Дакии» — в своей «Основной вокализации плавных сочетаний». Наконец, весь текст был издан акад. Миклошичем в «*Lautbezeichniss der bulgarischen Sprache*». Здесь потому лишь несколько слов.

Просмотр «*Cantilenae ruthenicae*», именно церковные протестантские песнопения и 1803 года записанные, показал, что в языке их нет ничего «рутенского», т. е. русского из Карпат, кроме названия одного села — «русского», что язык и отчасти текст повторяют болгарское издание акад. Миклошича 1858 года: но тем не менее это был язык славян, живших в 4 селах Трансильвании разбросанно на юге и во время записи уже умиравших — претворявшихся в румынскую стихию.

Из самой рукописи было ясно, что она была сделана в одном из тех 4 сел местным пастором по специальному заказу известного в то время историка и уроженца Трансильвании аббата Иосифа Эдера (Eder, †1811) именно для того, чтобы в летописях науки остался бы хоть какой след от того исчезавшего языка — да ведает славянское потомство о нем, и что титул «Ruthenicae» не по ошибке был дан записанным песням.

«Rutheni in Reussdörfel, Bongard et Csergöd majore ac minore (т.е. те четыре села) sensim, — отметил собственноручно Эдер как бы в предисловии драгоценной рукописи, — in Valachos abeunt ita, ut post aliquot annos vix ullum apud eos linguae pristinae superfuturum esse vestigium videatur. Hoc magis *operam dedi* (подчеркн.), ut haec specimina, precesiones et cantilenas complexa atque per sacrorum ministrum in Csergöd adcurate (!) descripta *obtinerem*, aliquando ethnologo cuidam, qui, ut Leibnitius procepit, e linguae vestigiis gentis origines vestigavit usui futuro».

Рукопись только по смерти Эдера вместе с другими перешла в Пешт. Имея ее в руках, ученый историк много и много думал над ней, над вымиравшими ее славянами: что они, откуда зашли к ущелью южной части Залесья? Известен общераспространенный взгляд и тогда, как и сегодня, на единое допустимое колонизационное движение славян в Европе — в направлении от гипербореев. Не будучи в состоянии самому быть тем «ethnologo», который бы e vestigiis linguae сказал настоящее слово о происхождении загадочных славян 4 сел (и старость мешала, и переселение в Вену), Эдер постоянно как бы болел темнотой судьбы тех славян-земляков и не упускал всякого случая, который бы был в силе сколько-нибудь помочь ему в его думах.

В начале 1807 года молодой венгерский граф Телеки собирался в ученое путешествие в Трансильванию. По-видимому, граф был натуралист; но тем не менее историк Эдер, понятно, по его личной просьбе, написал для него в Вене ученый маршрут «Aufgaben zur Erörterung bey einer Reise durch Ungarn und Siebenbürgen» и в этом маршруте возложил на молодого соотечественника задачу помочь ему в томившей его неизвестности об этническом характере обитателей тех четырех сел Трансильвании.

«Есть, — пишет Эдер в инструкции, § 11, — в некоторых селах Трансильвании, напр. в Reussdörfel, Чергёде, люди, которых называют русскими и среди которых еще удержались остатки их старого языка. С течением времени многие из них исчезли, напр. в Reussenmarkt'e, иначе Forum Ruthenorum грамот. С каким славянским языком стоит язык этих русских в столь близком родстве, что отсюда можно бы

было заключить об их непосредственном происхождении и таким путем попасть на вероятный след их вторжения в Трансильванию?»¹.

Своих «рутен»», т. е. русских, живущих в полумиллионном составе по юго-восточному склону Карпат, в северо-восточных комитатах Венгрии, Эдер не мог не знать, не мог не быть ориентированным в известном представлении об этнографических особенностях этой части русского народа: ибо в тогдашней статистической науке «рутен» те новостью не были. О них говорил уже М. Бела, говорит и Игнатий де Лука в своей «Статистике Венгрии» еще 1790 года, и в выражениях, которые людская злоба и зависть сегодня постарались заменить терминами, действительности не соответствующими, создавши «рутенский народ». Но если опытный и ученый Эдер задавался вопросом о генетическом происхождении «русских» четырех славянских сел Трансильвании, о пути, пройденном ими до прибытия своего в страну, вот-вот уже готовую статью их могилой, мучился этим вопросом, но не смешивал их с русскими Венгрии или Галиции, непосредственно примыкающими к Трансильвании, то ясный знак, что для него эти последние русские, и русские 4 сел его Трансильвании были две различные этнографические величины, не должностующие быть смешиваемыми. И как был прав в этом знаменитый аббат; сколько критического такта сказалось в нем при этом! Дей-

¹ «§ 11. Es giebt in einigen Dörfern Siebenbürgens, zum Beispiel in Reussdörfel, in Csörgöd Leute, die man *Reussen* (подчеркнуто Эдером) nennt, und unter denen noch Spuren ihrer alten Sprache vorhanden sind. Vor Zeiten hat es mehrere gegeben, z. B. Reussenmarkt, sonst in Urkunden Forum Ruthenorum. Mit welchem Slawischen Dialecte steht die Sprache dieser Reussen in so naher Verwandtschaft, dass man auf ihre unmittelbare Abkunft schliessen und dadurch auf eine wahrscheinliche Spur der Einwanderung derselben nach Siebenbürgen kommen könnte?». Ввиду важности этих запросов Эдера мы привели их в подлиннике, из рукописи, находящейся в Национальном музее в Пеште, под №566, quart.-lat. в собрании манускриптов Эдера — *Manuscripta Ederiana*. В начале этой рукописи, стран. 1, на краю, отметка рукою же Эдера: «Geschrieben in Wien, d. 15 Januar 1807». За сим приведенный выше в тексте немецкий титул ученой инструкции для гр. Teleki. Номер же этот в собрании *Ederiana* заключает в себе черновые бумаги, письма, проекты, относящиеся к Трансильвании специально. Бумагами Эдера в музее Пештском мы пользовались в бытность нашу в Пеште в июле наст. 1889 года. Прибавим, что и они, как и все в музее, — в образцовом порядке, так что пользование удобно. При этом не могу не вспомнить самой теплой признательностью чинов музея за их радушие, предупредительность; в особенности же я обязан душевной благодарностью хранителю рукописей д-ру Яношу Чонтоши (Csontos Iános), члену Академии наук. Ср. наши «Письма с пути по Дунаю», Одесск. вестник, 1889, № 216, второе письмо.

ствительно, русские одни и русские другие, как сейчас нам покажет язык обитателей загадочных четырех сел, взаимно не покрывались.

Но прежде чем перейти к лингвистической экскурсии, еще несколько дополнительных слов к новейшей истории вопроса о загадочных жителях тех четырех сел.

После открытия нами «рутенских песнопений» в Пештском музее загадочные славяне загадочных четырех сел сделали предметом особенно теплого внимания со стороны энергического земляка великого Шафарика, профессора Пражского университета д-ра И. Пича, небезызвестного и в нашей литературе. Занимаясь специально историей и этнографией Венгрии и Румынии, г. Пич не мог оставить без внимания тех славян. Посетивши нас в Одессе в августе 1883 года, он на возвратном пути сделал объезд Южной Трансильвании в надежде, не найдется ли чего нового для разъяснения этнографической загадки, ставившей в тупик Эдера. Положительные результаты были невелики: несколько этнологических наблюдений о физическом типе валашских жителей Южной Трансильвании, любопытное известие, что старики в Чергедо еще и сегодня читают молитву Господню на славянском языке, совсем не понимая его. Но сделано было главное — возбужден интерес у кое-кого из местных ученых к разведкам за своей славянской стариной, и результаты этого возбуждения были вскоре налицо. Зимой 1887 ученый д-р А. Амлахер из Мюльбаха в Трансильвании прислал г. Пичу целый ряд мелких заметок и несколько крупных актов из местных архивных собраний, касающихся судеб жителей обоих Чергедов в XVII и XVIII веках, но главное — прислал и новые славянские тексты из Чергедо, обнимающие самый полный канционал. Оказывается, что уже имеются целых три канционала. Истинный клад для науки! Исторические материалы были изданы уже в начале 1888 года, с обширным введением проф. Пича «К истории дакийских славян» (здесь положительный интерес имеет глава вторая «Национальность дакийских славян» — по собранным топографическим данным), а издание текстов принял на себя профессор Гаттала; этого труда с нетерпением ожидает славянская наука¹.

¹ См. «Die Dacischen Slawen und Csergeder Bulgaren» von Dr. I. L. Pič und Dr. A. Amlacher, Separatabdruck aus den Sitzungsberichte der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, Prag., 1888. pp. 257, 261, 227 и др. Автор в своем исследовании является большим румыном, чем сами румыны; он убежден теперь даже, что самое название Трансильвании у мадьяр — *Erdöly*, которое буквально передает *Ultra Silvas* грамот, — происхождения румынского (р. 256). Это пристрастие ослабляет силу впечатления.

Летом нын. года, в бытность нашу в Праге, заслуженный славист был настолько добр, что показал нам как самую драгоценную рукопись славянского канционала из Чергеда, так и почти оконченное свое издание ее. Рукопись in 8°, на простой бумаге, писана, как и «Cantilenae» 1803 года, немецким письмом и столь же неразборчиво. Новый текст, имея преимущество перед рукописью 1803 года своим объемом — около 200 страниц, а потому и большим разнообразием содержания, большим количеством форм, слов и оборотов (хотя весь текст — рабский перевод с немецкого), уступает рукописи 1803 года своим возрастом: он моложе на десять лет — писан в 1812 году.

Тогда же проф. Пич читал нам только что полученное письмо от д-ра Амлахера, извещавшее о новом, еще более важном, открытии — открытии им на страницах одного рукописного немецкого канционала XV—XVI столетия славянских глосс. К сожалению, не зная славянского языка, д-р Амлахер не мог сказать ничего более. Канционал же им найден в каком-то селе Трансильвании во время путешествия. По нашей просьбе обязательный проф. Пич писал тогда же д-ру Амлахеру прислать в Прагу или самый канционал, или копию новооткрытых славянских глосс XV—XVI столетия. Но до отъезда нашего из Праги (20 августа) от Амлахера ответа еще не было. Но как бы то ни было, все эти последние открытия в области славянского языка Трансильвании позволяют быть твердо уверенными, что со временем при добром желании будут отысканы и новые славянские тексты, и новые историко-бытовые данные о былом славянстве загадочной страны.

Как упомянуто было выше, ничего русского не заключает в себе язык «русской» рукописи 1803 года; напротив, его характерные черты резко выбрасывают его из нашей русской семьи. Для убедительности мы предлагаем строфу из Амвросиева гимна:

Szette cherubim i zeraphim
Szegi sz peszme ta glaszivant:
Szvent je goszpodin Bog.
Dvanadeszent Apostole
I dragi prophetase szif
Martirette szif sza jedno
Ta falent sza sz marlini szvon
Je szette vernye karsztyene (14 страница).

В русской современной переписи, восполняемой специальными буквами из азбуки св. Кирилла и старопольской, строфа эта будет читаться:

(В)се-те херубим и зерафим
 Сеги с песме та гласиват:
СВАТ ю господин Бог.
ДВАНДЕВАТ апостоле
 И драги профеташе сиф (= вси?),
 Мартире – те сиф за **ЮДНО**
 Та **ФАЛАТ** сас марлини звон
 И се-те **ВЕРНЕ КАРТИКНЕ**.

Соберем несколько черт языка.

Прежде всего, нас поражает назализм, присутствие носовых *a* и *e*, т. е. в том числе как и в языке св. Кирилла. Но этого мало: «русский» язык рукописи 1803 г. знает и носовые *o* (*porontsenie* = **поржунне**) и *i* (*inszik* = **назык**).

Вокализация так назыв. плавных сочетаний не имеет ничего общего с тем же явлением в русском языке, именно фонема *ar* вм. русской *er, re* (марлини, **КАРТИКНЕ**).

В связи с этой новой вокализацией плавных сочетаний необходимое следствие: краткогласие *pa, la* и пр. вм. *oro, olo* и пр.

Не по-русски звучит *e*: песме, но *meazto*, т. е. *ea*; не по-русски *ue* в начале (**ЮДНО** = одно)¹.

Не по-русски меняется зубной *m*: *pomost*, т. е. *помощь*, *nosti*, т. е. *ношти*. Но *д* дает русскую фонему ж: *nadeszen*, т. е. *надежен*.

Не по-русски *ф* вм. *х*: *teaf*, т. е. *tex*.

Самое оригинальное явление — широкое применение назализма. Другие черты — общие со славянским языком Нижнего Дуная. Это обстоятельство, затем известность члена и после имен, забвение склонения (от него слабые остатки), — а все это отличает именно современный язык болгар, не могли не привести к мысли, что и этот язык — болгар, но каких-то старых болгар, напр. богомилов XI столетия. Эту мысль поддерживали и исторические внешние указания. Так, при Чергедде Большом исстари утвердилось прозвище *Болгарский*. В грамоте 1299 года, 14 сентября, упоминается *villa Bugar-theluke*, 29 сентября и 25 ноября — *possessio Bogar-telke*². Еще определительнее в грамоте 1336 года: «...ostendit (межа) ad puteum et incipit conterminari metis alterius Ghergewd bulgaricum, qui est nobilium de

¹ «Wurful Budislawului (пограничная гора на юре) desupra Jezerului. Jezer ist ein stehendes Wasser, oder wenn man will, ein kleiner See» («Siebenbürgische Quartalschrift» VI, (1798 г.) p. 36). Очевидно, *jezer* местное слово = **ЮЗЕРО**.

² Teutsch — Firnhaber, op. c., pp. 210, 211, 215.

Gyod... ubi terminantur mete a parte supradicte *Ghergewd Bulgary*»¹. Здесь *Bulgary* – целиком славянский им. мн.: *болгары*. Наконец, поддерживала эту мысль и распространенная теория о широком владычестве задунайских болгар на север от Дуная в X–XI веках. Прибавим, что первый, кто доказывал на основании анализа языка топографических имен Трансильвании присутствие здесь славян, но примкнул их к болгарам, был знаменитый Шафарик в своих «Древностях», том второй.

Против этой болгарской теории, против того, что Эдеровы «*Rutheni*» – болгарские выселенцы из-за Дуная, заметим, что указанные синтаксические явления, член и после беспадешность, разделяют вместе с болгарским, как это давно подмечено было глубоко проницательным Копитаром, целая группа языков – и именно Балканского полуострова: румынский, албанский, куцовлашский, следов., не составляют специальности болгарского языка; широкой же ринезм, который богаче, чем в тысячелетнем языке св. Кирилла, а в морфологии такие формы, как *фалят*, где и *юс*, и личный суффикс, совсем противятся вчислению его к болгарам.

Далее, статистики и этнографы Трансильвании, уроженцы страны прошлого столетия, хорошо знавшие этнические слои населения, не называли жителей загадочных 4 сел болгарами, а язык их – болгарским. Мы слышали категорические утверждения Эдера; послушаем теперь другого.

Вот, например, известный трансильванец Benkö, автор громадного труда «*Transylvania*» (Вена, 1778). Бенкё хорошо знает настоящих болгар в предместье Братева (Кронштадта), отмечает их в своей этнографической картинке как болгар, но никогда не смешивая с ними «русских» Эдера. Также поступает г. М. Бел².

Известны, далее, настоящие болгарские колонисты в соседней Венгрии, в Банате: но их язык – это не язык 4 сел, а как есть болгарский.

Известно, наконец, что и болгарский язык какого-нибудь XII столетия, насколько он отражен в памятниках, имеет все основные свойства современного болгарского языка: не только отсутствует ринезм, но уже господствует власть глухого звука в нем.

В приуроченье языка Эдеровых «русских» болгарам грешат против правила педагогики – идти от ближайшего к отдаленнейшему. Попытаемся же пойти иным путем и для ответа, что за язык зага-

¹ E. Hurmuzaki «*Documente*» и пр., см. выше, I, p. 644. Ср. в грамоте 1302 просто *Gsergeüd* (p. 562).

² В географии Трансильвании он говорит о русских (*Russi*) или «*Rutheni*» и отдельно о болгарях: «*Sernii, Bulgari, Graeci*» (p. 114).

дочных четырех сел, проведем сравнение его с славянским языком топографических имен Трансильвании, конечно, насколько последний дает себя ухватить.

Уже наперед подчеркиваем результат этого сравнения: основные черты языка, извлекаемого из славянской топонимии Трансильвании, и черты языка рукописи 1803 года представляют полное согласие: мы слышим речь одного и того же человека и из записанного в наши дни текста, и из переходившего века от поколения к поколению через неродные, чуждые уста местного имени.

И в топонимии, как современной, так и в той, которая предлагается грамотами, мы видим присутствие ринезма и в том же разнообразии. Берем несколько примеров – и, главным образом, из списка у г. Ксенопола³:

Нос. *an*: *Anta* (ср. ст. слав. **жѣа**)

Нос. *ън*: *Gânsanii* (ср. ст. сл. **гѣжѣ**)

Нос. *un*: *Lunca, Bunicul, Strunga*

Нос. *in*: (из *on*): *Dimbul, Zimbru*

Нос. *om*: *Dombu*.

Далее, те же фонемы: *va, la* (*Gvadiste, Glava*), *ъ* = *e, ea* (*Deszna, Deal, Pleasa*), *шм* (*Seliste*); та же вокализация плавных сочетаний (*Tarnitzele*; но *Cernica, Virful*), даже *f* вм. *ch* (*Virful*, т. е., **вѣрхѣ**, ср. *teaf* = *тех*).

Так как топонимия представляет материал ограниченный, частое повторение одних и тех же слов (*virf* = *верх*), и все это, прошедшее через уста румына или мадьяра, поэтому не будем взыскательны, если, напр., для носового *in* не отыщется оправдания.

Таким образом, сделанная параллель между обоими языками позволяет нам славян загадочных четырех сел отнять у болгар и поставить в прямую родовую связь с теми славянами, которым Трансильвания и отчасти Придунавье, сегодня уже инородческие, обяза-

³ Мы пользуемся г. Ксенополом для большей объективности. Но мы могли бы составить громадный список носовых имен по знаменитой карте *Липского* (Вена, 1806 г.). К слову, о славянских моментах у г. Ксенопола. Насколько он бывает несчастен в своих славянских сведениях, видно из того, что он, не стесняясь, говорит о небывалых славянских словах, так что и догадаться нельзя, откуда он его выкопал. «*Tätros*, — объясняет автор, — *n'est autre chose que le Trotus — en slave (!?) — rapide*» (p. 158). Напротив, имена вершин *Ciudomir* = Чудомир, *Izvor* = извор, источник он считает румынскими словами. В этих своих объявлениях г. Ксенопол может быть поставлен наряду только с этимологами румынской Академии наук, гг. *Laureanu* и *Massimu*, которые даже в состоянии для румынского *gresescu* из слав. *грешити* подыскать латинскую генеалогию и с подобными приемами написать толстый и очень ученый «*Glossariu vorbele d'in limba romana straina*» (Bukuresci, 1876), — но от своей совокупной фантазии.

ны своей географической номенклатурой, старому хозяину страны – ее искони славянскому населению за тысячу и более лет до появления рукописи 1803 года.

14

Но нам могут возразить: положим, что характерные и мелкие черты языка 4-х сел и языка, воскресающего из топонимии Трансильвании, – одни; но это совпадение может быть чисто случайного характера и не исключает собой совершенно возможности, что славянские обитатели тех сел – колонисты и принесли с собой язык, который, по игре случая, оказался столь близким к языку местных имен приютившей их страны, что кажется одним с ним.

Мы принимаем это возражение и попытаемся его устранить, эту теорию случайного совпадения. Мы сделаем экскурсию сначала в XVIII век Трансильвании и потом спустимся на два столетия ниже, к счастью, не оставляемые сирыми со стороны науки.

По прямому и категорическому заявлению такого знатока края, как Эдер, славяне четырех сел во время снятия на бумагу их языка были уже в процессе вымирания: переходили в пастуха-валаха и забывали родную речь. Сделанное при этом предсказание Эдера о ближайшей судьбе и их, и их языка исполнилось, как сказано выше, через немного десятков лет – с формальной поправкой проф. Пича. Если же славянское население четырех разбросанных на юг от Германштадта сел так скоро и так точно выполнило предречение ученого аббата, то ясно, что его уже было немного. Действительно, по статистическим данным самого начала нашего столетия, оно представлялось двумястами душ – малая крупница среди всюду все давящей массы грубых валахов¹, о которых один современник заметил, что как жаль, что среди такого многочисленного народа немногие умеют читать»².

Понятно, так как те славяне были уже полувалахи, вот-вот готовые забыть свой язык (если они еще задерживались, то только благодаря, несмотря на все насилия от валахов, принадлежности

¹ В 1795 г. всего населения Трансильвании было 1 250 000 («Siebürg. Provinzial Blätter», B. IV, p. 399). В 1766 году было валахов: православных – 444 219 душ, униатов – 116 958 д., а всего с принадлежащими к другим конфессиям – 667 306 душ. По сведениям 1772 года, одних православных было уже 558 076 душ. Политические же три нации – мадьяры, секлеры и саксы – все вместе в 1791 году составляли всего около 300 тысяч семей (226 882 + 75 551). Греков тогда же было 103 семьи, болгар – 31 (в 1772 – 50 семей), евреев – 314 семей (Из «Manuscripta Ederiana» в Пешт. музее, № 287, fol. germ.).

² «Siebenbürgische Provinzial Blätter», B. V, p. 377.

своей к лютеранской и кальвинской церквям¹, а валахи — православные или униаты), то глазу со стороны, напр., иностранца, виднелся всюду один валах — помимо трех полноправных *nationes* и слабых оазисов действительных пришельцев (сербов, болгар), и только сведущий, опытный туземный исследователь задумывался над тем славянским элементом, над его судьбой в минувшем. Он не довольствовался признанием голого факта их полусуществования, но старался отыскать для них, теперь безродных, их родство, но на месте, притягивая к ним, пользуясь топонимией и жителей других мест своей Трансильвании, разбросанных то там, то здесь, но на его искушенный опыт взгляд одного с ними происхождения. Он не поступал бы так в своих трудах, если бы сколько-нибудь сомневался в туземности того славянского элемента; но он никогда не смешивал его с действительными выселенцами, приютившимися в Трансильвании.

Вполне естественно, что одна этнографическая картина Трансильвании XVIII столетия у географа-иностранца, кропотливая Бюшинга, другая — у своего, у полигистора Бенкё.

Мадьяры, секлеры и саксы, говорит Бюшинг, — вот три главные народа. Что же касается остальных, которые считаются чужеземцами, и если желают приобрести права гражданства — должны присоединиться к одному из трех народов, то это:

«Валахи, остаток и потомки старых римских колоний. В их языке много родственного с латинским, но смешан он со славянским; даже лицом и одеждой валахи напоминают римлян. Простой валах живет в грубом невежестве, так что едва двадцатый в состоянии произнести молитву Господню... Далее — армяне, что преимущественно торговцы, райцы (т. е. сербы), болгары греки...»².

¹ В 1760 году пастор Большого Чергеда приносит жалобу, что управляющий униатского епископа, которому принадлежит село, угрозой отнять усадьбы и землю принуждает его прихожан к переходу «zum walachischen unirten glauben». Еще интереснее соединенная жалоба пасторов обоих Чергедов через 29 лет, из которых один был старый жалобщик, но теперь уже в Малом Чергеде, а другой *Matuash Nösner*; не сомневаемся, последний это тот самый, который для Эдера написал рукопись 1803 года. «Управляющий поместий Банфи, — жалуется пастор Малого Чергеда, — под самыми страшными угрозами воспретил евангелическим болгарам его общины употребление их ему непонятного родного языка и позволяет им говорить только по-валахски, почему они бегут в Венгрию». Другой пастор жалуется, что «через насильственный переход очень многих членов его общины в унию он скоро будет пастырем без стада». Из указанных выше сообщений д-ра Амлахера в «Die Dacischen Slaven» и пр., p. 267.

² «Neue Erbeschreibung». Hamburg, 1751, I, p. 1013–1015.

Современник Бюшинга, но туземец, секлер Бенкё, издавая свою «Transylvania», при крупных (мадьяры, валахи) не забывает и своих крошечных братьев – славян четырех сел и силится уяснить: кто они и откогда? И что же? И для него они – те же славяне, что и многих других мест страны, но которые уже орумынились или стали мадьярами, но об этом, замечает он, «*ipsa nomina produnt*», а на своих местах они от того отдаленного времени, когда славяне подвинулись с севера и перешли Дунай; «часть их, – замечает Benko, – зашла и в Трансильванию, где их *nes in hodiernum diem deficit*»¹.

Таким образом, в глазах ученого трансильванца половины XVIII стол. наши славяне – старожилы в крае, а не пришельцы, язык которых случайно попал в такую необыкновенную гармонию со славянским языком местных названий Трансильвании.

Если же в дни Бенкё еще было достаточно, *nes deficit*, представителей старославянской стихии было еще довольно, было достаточно тех самых славян четырех сел, которые через полстолетия младшему современнику Бенкё казались уже совсем потерявшимися, распустившимися в валашской стихии, то в порядке вещей полагать, что чем глубже вниз веков, тем численнее тот же славянский элемент был в стране.

И действительно, от первой половины XVI века мы имеем бесценное свидетельство о наших славянах ученого дипломата императора Фердинанда II и уроженца Трансильвании, что в его время наши славяне представляли из себя самостоятельную этнографическую особь, были еще племенем, вносили свою окраску в ту же монотонную всевалашскую Трансильванию. Мы разумею Рейхерсдорфа с его драгоценной «*Chorographia Transilvaniae quae Dacia olim appellata*», о которой уже упоминалось выше (вышла в 1550 г.).

В сухих, сжатых словах мы имеем этнографическую картину страны раньше половины XVI века. Уроженец края, неоднократно посещавший его по делам службы, Рейхерсдорф так же хорошо знал его, его население, как позже Бенкё и Эдер.

Кроме господ страны – мадьяр, секлеров, саксов, кроме бесправной массы валахов, ученый трансильванец половины XVI века еще отличает в ней, в ее населении, и строго «рутенев» из Галиции, болгар в особом (третьем) предместье Кронштадта (Брашова), армян, греков и турков². Все эти мелкие этнографические подробности указывают знатока края и его жителей, почему нет основания не доверять и таким этнографическим сообщениям Рейхерсдорфа, ко-

¹ Т. I, p. 497

² «Chorographia», p. 10 а, 11 а, б.

торые, на первый взгляд, останавливают нас своей новизной, оригинальностью.

«Zaswaras, saxonibus Bros dicta, – говорит Рейхерсдорф – distat a Kenijer ad meridiem uno miliari, sita ad flamen Marisum, terra fecundissima frumenti vini et omnium fructuum ferax: *ibi populus admodum urbanus et ad Valachorum ritum et consuetudinem, amictu et victu non parum accedens*, qui passim in campis circumque desertis quibusdam possessionibus resident (т. е. хуторами), et habent coelum mirae temperiei: etenim sylvae intensissimae, lepores, damas et cervus, in magna multitudine fovent, piscibusque illic optimis abundant»¹.

Прежде всего ориентируемся в топографии, где богато жил тот «populus».

Zaswaras, т. е. Szászváros, город саксонцев, или Broos, лежит на юге от Белграда (Fejervar) или Карлсбурга и Залатны и на запад от Германштадта, на левом берегу золотоносного Мароша, в крайнем западном углу «земли саксов», так наз. Fundus Saxonicus. *Kanijer*, иначе Campus Kenyer, как раз посреди Сасвароша и Германштадта².

Территория того «народа», который только что описан Рейхерсдорфом, лежала между Сасварошем и Германштадтом, т. е. в непосредственном соседстве с тем краем, где уже в XIII столетии стоял славянский городок Forum Ruthenorum, переведенный немцами в Reussmarkt, разные села «русские», а главное – в соседстве и с четырьмя загадочными славянскими поселениями Эдера.

Из слов этнографа XVI столетия ясно, что «народ», помещаемый им на восток от Сасвароша, был той же православной веры, что и валахи, обычаями своими, одеждой, жизнью весьма и весьма походил на валаха; но тем не менее то не был валах. При всем сходстве он отличался физически от валаха. Чем? Рейхерсдорф не говорит. Но чем мог он отличаться? Единственно своим языком, происхождением. Какой же язык мог отличать его от валаха? Единственно допустимый язык – славянский. Валах – пастух, грубый полудикарь; но этот «не-валах» был носителем иной культуры – культуры земледельческой, искони бывшей достоянием славянского племени, был обитателем чисто райского уголка. Вблизи его хуторов и леса с благородным зверем, и реки с рыбой; прекрасный климат; кругом плодородная земля, обильно под руками трудолюбивого народа произраставшая злаки, плоды, вино. Но, очевидно, числом своим этот «populus» равняться валаху не мог, и он уже усвоил от последнего весь его валахский облик: но тем не менее, если он назван зна-

¹ Там же, р. 14 б.

² См. карту J. B. Homanni «Princ. Transylvaniae in suas quasque nationes... divisus», Norimbergae.

током страны особым народом со всеми чертами племени, давно сидящего на своей земле, то, следов., он представлял из себя еще некоторую серьезную этнографическую величину, и потому он не остался незамеченным у Рейхерсдорфа.

Итак, из сделанной экскурсии из XVIII в XVI столетие мы убеждаемся, что крошечное славянское население Трансильвании, в начале XIX века почти расплывавшееся уже в валашской стихии, всего до 200 душ, еле говорившее по-славянски, но в языке которого повторялся язык топонимии страны, еще в половине XVI столетия составляло из себя целое православное племя, отдельную этнографическую особь, близкую внешними особенностями своего быта к валахам, но в то же время заметно отличную от них. Никогда знатоки этнографии страны не видели в своих крошечных согражданах каких-то колонистов из более или менее недавнего времени.

Ввиду вышеизложенного нельзя видеть игру случая в замечательном факте согласия языка исчезавших славян Эдера с славянским языком топонимии Трансильвании: эти славяне – последний отголосок, последний след от бывшего славянского хозяина всей страны, и хозяина, не лишенного известной культуры, почти чудом задержавшийся до начала нашего столетия. Своей последующей судьбой, столь точно определенной у Эдера, они иллюстрировали уже на наших глазах тот этнический процесс перерождения, который незаметно, тихо, в течение многих веков совершился в пределах загадочного Залесья, пока страна из славянской, культурной, не стала валашской, пастушеской.

15

Мы у конца нашего доклада.

Но нам скажут: причем же здесь интерес науки русской истории, интерес русской культуры? Придунайское Залесье – старая земля погасших славян, но не земля же русского народа...

В том-то и высший интерес для людей русской истории, что земля та была именно русской землей, что ее славянские обитатели были именно русские.

Исходя с лица земли, те последние двести славянских душ, которыми так глубоко был заинтересован Эдер, что заказал записать у них несколько церковных песен (церковных потому, что в домашнем обиходе утверждался уже румынский), – да останется хотя в науке след их земного существования – называли себя не иначе как русскими, не иначе называли их и соседи: мадьяре – *Orosz*, валахи – *Rusu*, немцы – *Reussen*. Здесь причина, почему и рукопись 1803 г. носит титул «*Cantilenae Ruthenicae*».

Русское имя тех славян категорически засвидетельствовано са-

мим Эдером. Затем мы видели выше, что и позже много и много думал о загадочной судьбе тех же русских тот же Эдер, какими задачами он напутствовал отправлявшегося для изучения его родного края молодого Телеки: «es giebt's in einigen Dörfern Siebenbürgens Leute, die man *Reussen* nennt» – и сам подчеркивает слово «*Reussen*». Ясно, это этнографическое имя было общепризнано на месте.

Почти одновременно с заказом Эдера, в 1802 году, в Германштадте профессором местной гимназии доктором Самуилом Вольфом была издана небольшая грамматика языка тех славян, и язык их назван русским: «*De vestigiis Ruthenorum in Transylvania. Dissertatio quam... publice defendit Samuel Wolf, Gymn. Cibin. a. c. prof. extraord.*» (Cibinii, typus Mart. Hochmeisteri, 1802, 19 страниц). В приложении несколько слов, но в записи, совсем затемняющей характер языка.

Но оставим современников умиравших русских в начале нашего столетия и обратимся в старину Залесья: знала ли и старина их под тем же именем русских?

Остановимся *primo loco* на старшем сверстнике и земляке Эдера, знакомом нам Бенкё, с его «Трансильванией» половины XVIII века.

В первом томе, в общем описании Трансильвании своего времени (§ CLXIII, VII – этим § мы воспользовались и раньше), и Бенкё о жителях четырех сел говорит только как о русских и, подобно Эдеру, отыскивает прямую родню им в прошлом Трансильвании при помощи местных имен, но, в отличие от Эдера, на место осторожного отношения к вопросу последнего ставит свой догматизм.

«*Rusi sive Rutheni*, - объясняете Бенкё, – *seculo VIII è Russia Alba, novas saedes quaesituri, egressi, Bulgariam, Serviam, vicinasque regiones et utramque Danubii ripam implerunt, quam nec in hodiernum diem defecit*»¹. Он считает, таким образом, русских своей земли хвостом, зацепившимся за Трансильванию при общепредполагаемом грандиозном передвижении славян за Дунай, но в VIII стол. и из Белоруссии.

Что Бенкё говорит здесь именно о наших эпигонах, видно из примечания сейчас: «*Nac immigratione* (т. е. из Белоруссии!) *pagos Bungárd* (т. е. Baumgarten иначе), *Raissdörflein et Cserdöd insedis*se constat». Но он прибавляет затем: «*sed et vicos Orosz-falu, Orosz-faja, Orosz-hegy aliasque Russos tenuisse, ipsa nomina* (Russus enim Hungaris Orosz cluet) *predunt*», – но только все эти «*veteres Russi in Valachos et forte etiam Hungaros transmutati sunt*»².

Итак, и по взгляду Бенкё, то были одни русские, причем этих русских он видел не только расплывшимися среди румынской стихии,

¹ I, p. 497.

² Там же, p. 590.

но даже и среди своих мадьяр. Здесь нельзя не вспомнить славянских имен графов секлеров в XIII веке и известности у последних славянского письма. Прибавим еще одну мелкую черту из этнографических сообщений Бенкё — о быте тех русских.

Известно, что они были протестанты, т.е. не ранее второй половины XVI века, «*Religionem Lutheranam (fidei enim Helvetiae renunciarunt) sequuntur: in jejuniis tamen et multis aliis ritum Orientalem nondum exuerunt*». Но если в быту еще существовал православный обычай поститься, то, несомненно, мы здесь имеем след задержавшегося православия, а раньше мы слышали категорическое свидетельство Рейхерсдорфа из первой половины XVI столетия, что «*populus*», языком отличавшийся от валахов и живший по соседству с теми самыми местами, где через два столетия этнографы XVIII века знают крошечные русские оазисы, был именно православным той же веры, что и валахи. Новое доказательство преемственной связи «русских» Эдера и «особого народа» Рейхерсдорфа. Ввиду же православного обычая поста даже среди лютеранских славянских общин на юге Трансильвании понятна распространенность там выделения постного масла из льняного семени: «*linum passim quidem, sed in Barcia¹ quam felicissime crescit, — говорит Бенкё, — oleum ejus non cito rancescens, multijuge Valachorum aliorumque jejunium solatur*»². Кто же это «*alii*», не валахи, соблюдающие посты? Очевидно, те же «русские» четырех сел.

Понимая верно широкую задачу этнографа — полное представление картины жизни, Бенкё во второй части своей громадной «Трансильвании» собирался предложить обстоятельное описание жизни, быта своих земляков «русских», для чего специально по его заказу такое описание и сделано было на месте одним знатоком дела, который, говорит автор, «*Statum mores etc. Russorum colonorum utriusque Cserged penitus cognovit*». Это был ассессор Владислав Бало de Nady-Baczony. К сожалению, Бенкё умер, и вторая часть не вышла. Но этот любопытный этнографический трактат приятеля Бенкё, посвященный описанию быта «русских крестьян обоих Чергедов», пропасть не мог: он находится, думаем, среди бумаг ученого трансильванца и когда-нибудь, хотя прошло уже более ста лет,

¹ Т. е. Burzenland, на юге.

² Там же, p. 114. Кальвинист Фесслер иронизирует над обычаем поста у своих валахов: «*dagegen hielten sie den Bruch ihrer 4 grösseren Fasten für schwerere Sünde, als den Mord. Fasten war ihnen das Versöhnungs — und Genugthuungsmittel für jedes Verbrechen*» («Geschichte der Ungern», IV. Th. p. 1126).

отыщется и обогатит славянскую науку интересной страничкой¹. аким образом, ясно, что этнограф Трансильвании XVIII века писал не по слухам свои сообщения, а делал всяческие разведки на месте, принимая все меры, чтобы быть полным, достоверным и точным. Не праздно потому признание Бенкё в предисловии к I тому, стр. 1; не праздно и свидетельство его о современных ему «русских».

Но спустимся в XVI столетие и ниже. И здесь, хотя спорадически, редкими оазисами, но все же встретимся с русскими людьми в разных пунктах Трансильвании, помимо присутствия этого этнографического термина в самих местных именах и даже там, где мы каких-либо русских менее всего могли бы ожидать.

XVI столетие.

В ныне чисто мадьярском населении, но с славянским именем *Karacson-falva* (иначе *Foby-falva*, у румын *Kracsionelul* или *Krecsunelul* – от *крачун*, рус. *карачун*, *крак* = (о)корок шаг) так наз. *Sedis* Марошской, на приходе его до 1556 года, следов., до лютеранства, упоминается священник *Petrus Ruthenus*, т. е. русский². Да и само село было русским уже в XV столетии, см. ниже.

Если же на стороне мы встречаем священников из русских, то едва ли мы не вправе полагать, что и священниками «русского» села *Baumgart* тогда же и раньше (имена которых дошли до нас) были также русские, хотя так и не названы.

¹ В бытность нашу в Пештском музее летом нынешнего года мы искали следов бумаг Бенкё, но ничего не нашли. Пособить нам в исследовании вопроса о нахождении этих бумаг любезно предложил свои услуги помощник обязательного кустода г. Чантоши г. Ant. Hodinka. Действительно, уже в сентябре мы получили от последнего такую справку о судьбе бумаг Бенкё. В 1867 году вышло в Пеште обширное жизнеописание Бенкё гр. Еммерика Мико. Здесь на 155 стр. находится: Бёнке начал печатать и вторую часть своей «Трансильвании», но успел напечатать лишь несколько первых листов. Самой же рукописи Бенкё существует три экземпляра, из них два – собственность «*Siebenbürgische Museum-Gesellschaft*». Первый экземпляр носит титул: *Benkö los. Pars posterior sive specialis Magni Princip. Transilvaniae cognitio, fol. lib. 3, in tom. 2. et quidem: Tom. I titulum habet: Terra Hungarorum et facit libr. 1; Tom. II exstat e libr. 2-e, titulum habet: Terra Sicularum, et libr. 3, titul. habet: Terra Saxonum*. Второго экземпляра титул: *Josephi C. Kemeny: Collectio major manuscritorum historicorum: Tom. XL, vol. 2, экземпляр недостаточный*. Третий экземпляр – собственность Главной школы в *Nagy-Enyed* в Трансильвании и носит титул: «*Cl. Jos. Benkö: Pars Posterior Transsilvaniae sive Specialis Transsilvaniae Principatus cognitio*», in 8°. За это дорогое для нас сообщение приносим живейшую благодарность г. Ходинке.

² «*Siebenbürgische Provinzial – Blätter*», III (1808), p. 146.

Baumgart (Baumgarten, мад. Bangert, латин. офиц. название Bungardinum) составлял однородный, чистый от немцев приход до 1521 года, когда приходская церковь была совершенно разрушена. До 1521 же года в этом поселении именуются приходскими священниками (несомненно, они назывались на месте попами): Matthias, Valentin, Petrus Niger, Leo, Johannes, Petrus Pileator. Очевидно, вместе с церковью пострадало и само население, ибо церковь была возобновлена только позже, когда в селе поселились саксы из Hamerstorf'a, спустя несколько лет¹.

XV столетие.

Reussdörflein, иначе Reussdörfel, Reussdörfchen у саксов, Rosz-Czür, т. е. *Русский Чур*, в отличие от соседних Kis-u Nagy-Czür – Большого и Малого Чура, у мадьяр² на официальном латинском языке *villa Ruthenica* или *Ruthenorum*, у самого Германштадта, уже в XV столетии был самостоятельным приходом. Из этого времени известны его приходские священники: Paninus, Nicolaus, Petrus, Ludovicus, Thomas, Sutoris, Sigismundus³. По поводу имени Paninus издатель замечает: «не был ли он, насколько известно доселе, первым пастырем Русского Сельца и сам русского происхождения?». Но соблазненный именем Панин, однозвучным с русской фамилией Паниных, он наивно продолжает: «bekanntlich, giebt es *noch* in Russland Familien dieses Namens».

Еще ближе к городу Германштадту лежит и сегодня село Русские: у саксов *Reussen*, у мадьяр *Orosz*, у румын *Rusz*. Что это поселение существовало и в XV столетии, мы увидим сейчас, и существовало с настолько зажиточным населением, что поставляло даже и бургомистров соседнему Германштадту. В духовном отношении Русские были подчинены препозиту этого города до 1447 года, когда они образовали самостоятельный приход⁴.

В серии бургомистров Германштадта из XV столетия мы находим лиц с следующими именами:

В 1447 г. — бургомистр Georgius *Hecht*, иначе называемый *Gsukas* (cs = русск. ч).

¹ Там же, III, р. 15. Прибавим, что в начале XVII столетия у Wolfgang'a Bethlen'a в его «Historia» упоминается трансильванский помощник Stephanus Ros, убитый валахами (т. V, р. 198).

² Ср. *Lipszky de Szedliczna*, «Tabula generalis regni Hungariae», Pesthini, 1810. Даже просто Reisdorf на карте Homann'a «Principatus Transsilvaniae», Norimbergae (1770 г.).

³ «Siebenb. Provinz-Blätter», B. II (1807), р. 122.

⁴ Там же, р. 106.

Около 1459 года — *Johann Bogathi*.

В 1463 г. — *Ladislaus Hahn* или *Hähnlein*, иначе *Kakas*.

В 1468 г. — *Nicolaus Russe* из села *Russen*.

В 1479 г. — *Georgius Hecht*, иначе *Csukas*¹.

Из этих пяти бургомистров Германштадта в тридцатилетний период времени *Nicolaus Russe* был кровный русский: и прозвище его, и указание его происхождения категорически свидетельствуют об этом. Затем нельзя также сомневаться, что и один из его предшественников, Иван Богатый, был славянин и, конечно, не пришлый, со стороны, а местного происхождения, из своих славян.

Что же касается остальных трех бургомистров, Георгия Гехта, Ладислава Гана и опять Георгия Гехта (скорее, новое лицо из той же патрицианской семьи, в которой сан бургомистра был как бы наследственный, ибо чрез сто лет, в 1571 году, бургомистр опять *Georgius Hecht-Csukas*)²: то, как не звучат чисто по-немецки фамилии их, мы не сомневаемся, что и они были того же славянского происхождения, что и товарищи их — Богатый, Русский. Читатель и сам, вероятно, догадывается, почему мы позволяем себе это утверждать. Дело в том, что немецкие прозвища этих лиц суть только буквальный перевод прозвищ славянских, конечно, собственно и носившихся ими: при *Hecht* указано *Csukas*, т. е. Щука (откуда и мадьярское название этой рыбы — *csuka*), а *Hecht* и есть щука; при *Hahn* указано *Kakas*, т. е. Кокош — петух (ср. наше — кокошник), а *Hahn* и есть петух.

Итак, в течение 30 лет, по-видимому, чисто немецкий город Германштадт имел во главе своего управления славян и даже из русских.

В 1435 году император Сигизмунд в грамоте графу секлеров указывает на жалобу некоего Николая *de Almakerek*, что граф *Randaweulge* самовольно выселил к себе из его поместья *Karatson-telke* его двух русских крестьян (*iobbagiones ruthenos*)³. Показание грамоты 1435 г. важно в том, что свидетельствует, что не в одних поселениях, именовавшихся русскими, жили русские.

Но и ниже XV столетия мы не останемся без указаний на присутствие имени русского в Залесье.

Здесь нас прежде всего останавливает имя старого и богатого го-

¹ J. Seifert, «Die provinzialischen Burgermeister zu Hermannstadt», в журнале «Siebenbürg. Qartalschrift», B. II, pp. 162—167.

² Там же, p. 187.

³ Mart. Felmer, «*Primae lineae historiae Transsilvaniae*» (1803), с присовокуплением от Иос. Эдера «*Observationes criticae et pragmaticae*», p. 68. *Karatson-telke* — то же, что *Karacson-falva* выше, след., первоначально было русским поселением.

рода к северо-западу от Германштадта, как раз у самой территории «особого народа» Рейхерсдорфа – Reuss или (раньше) *Russ-markt* у саксов, *Szerda-hely* у мадьяр (*szerda* в мадьяр. из слав. – *середа*, *hely* – *место*, ср. *szek-hely* Wohnsitz, *helyettes* – заместитель), на официальном латинском *Forum Ruthenorum* или *Mercurium*, откуда у валахов их *Mnyerkur*. Город, теперь немецкий, надо думать, заложен русскими, как показывает имя, и около 1200 года¹. Что это был русский рынок, недельный торг, куда съезжались, вероятно, по средам, откуда и мадьярское его имя – *Szerda-hely*, ясно из актового латинского имени его *Forum Ruthenorum* или немецкого *Russ-markt*.

Мы видели выше из ученой инструкции Эдера 1807 года, что для него не было ни малейшего сомнения, что *русский торг* был заложен, открыт русскими, и именно того самого местного происхождения, какого были русские других русских мест Трансильвании и раньше, и в его время.

То же убеждение свое о «*vestigio Ruthenorum Transsilvaniae incolarum*» и «*abstrussae vetustatis*» Эдер высказал уже раньше, при издании вышеупомянутой книги Фелмера «Начатки трансильванской истории» в 1803 году, но мельком, поставив ряд «русских» вопросов для других.

Припомнив грамоту Сигизмунда 1435 и другие акты того же² и более позднего времени, в которых памятуется «русские», Эдер заключает: «*quaenam sit horum Ruthenorum communio cum illis, a quibus manavit nomen oppidi Reussmarkt (olim Rusmarkt, itemque Forum Ruthenorum) nec non villarum Reussen (olim Ruzy et Reuz) ac Reussdörfel (Ovosz-falu), fuerintne Rutheni Bissenorum posterius, et quae sunt ejus modi abstrussae vetustatis erotemata, aliis expedienda relinquo: ego vestigio Ruthenorum Transsilvaniae incolarum, adiunguam tribus verbis vestigium etiam Italarum*», т. е. румын и т. д.

Мы не будем говорить о невозможности как будто допускаемой Эдером связи между «русскими» и «бисенами», т. е. печенегами: но весьма можно говорить о связи имен общих народов в трансильванских грамотах с самого старого времени.

¹ «Siebenbürg. Quartalschrift», B. V, p. 201.

² Эдер ссылается на бумагу папы Евгения от 1446 года, где упоминается о русских, или жителях Трансильвании. К сожалению, во 2 томе изв. собрания пок. Авр. Тейнера «*Vetera monumenta historica Hungariae sacram illustrantia*» (Romae, 1860) среди булл того папы не нашли цитируемой Эдером. В булле 1445 года «верным» церкви Девы Марии «*in villa Somljo Transilvanensis dioecesis in confinibus Valachie prope Tartariam*» упоминается глухо, что «*ingens fidelium multitudo devotionis causa confiuere consueverit*» к той церкви (Nº CCCLXXX).

Вот подтвердительная грамота короля Андрея 1224 года немецкими колонистами на юге Трансильвании. Этот акт, следовательно, относится к тому времени, когда именно на том же юге, вблизи того же Германштадта, его комитата (*comitatus Chybinienensis* грамоты), уже существовали *Forum Ruthenorum*, Русский Торг, но незадолго до того увидевший свет. И что же? Король Андрей в грамоте говорит о секлерах, о румынах-валахах, но ни слова о *Ruthenis*, русских, зато их место в грамоте занимают именно *Bissenis*. Они упоминаются два раза и всегда вместе с влахами: «*preter vero supradicta, silvam Blacorum et Bissenorum cum aquis usus communes exercendo cum predictis scilicet Blacis et Bissenis eisdem* (т. е. колонистам) *contulimus...*»¹.

Под этим «*Bissenis*» только и можно понимать *Rutheni*. Та же канцелярская терминология продолжается и в грамотах XIV столетия, т. е. относительно уже незадолго до того времени, когда в Германштадте появятся даже бургомистры из русских. Так, в грамоте 1324 года упоминается о самовольном обращении нескольких свободных семей «*Bissenorum*» в крестьян некими тремя братьями в вотчине Шарош-Потоке: «*quosdam Bicenios suos a patre suo sibi commissos, salius rebus et personis, occupassent (те братья) et nunc detinerent occupatos...*». Против этого и протестует воевода Трансильвании и comes de Zonuk et de Cibinio, т. е. Сольнока и Германштадта. В следующей грамоте того же воеводы и того же года эти *Biceni* прямо названы свободными, и определяется их число: «*octuaginta quinque mansiones hominum liberorum Bicenorum...*»².

Но возвращаемся к прерванным «*observaciones*» Эдера к книге Фелмера, именно о «*vestigio Italarum*», т. е. валахах.

С глубоким пониманием этнографической истории своей родной страны он говорит о происхождении своих валахов, этом италийском наследии. Он видит в этих италийцах только переродившуюся славянскую стихию, но эта стихия для такой далекой старины, как XII–XIII века, представляется основателями *Rusmarkt'a*, Русско-го торго, следовательно, стихию русскую «*majors eorum*, – говорит Эдер, – *qui nunc apud nos valachi adpellantur, antea quam Romanam linguam adsciscerent, Slavorum lingua usos fuisse*»³.

Таким образом, и для Эдера в целом крае на пространстве тысячи лет тихо, незаметно шел тот этнографический процесс регенерации, который документально засвидетельствован им самим в его финальном моменте – при румынизации последних эпигонов сла-

¹ Teutsch-Fimhaber, op. c., p. 30. Курсив в подлиннике.

² Hurmuzaki E., «Documente» и пр., p. 587, 588.

³ P. 7.

вянской стихи в Трансильвании, при исчезновении навсегда с лица земли последних там «русских» жителей четырех поселений юга: Чергедов, Бонгарта и Русского Сельца. Как мало Эдер был похож на своего младшего современника, историографа Венгрии Фесслера, в глазах которого ужасавшая его своей численностью румынская стихия была неизменно стабильным коэффициентом населения Трансильвании. «В Седмиградии, – говорит Фесслер о начале XV столетия, – исповедники православной церкви составляли большую часть населения: одни валахи превосходили числом взятых вместе мадьяр, саксов, секлеров, русских (Russen), славян, армян, греков, цыган и евреев». Но, полагая на целую Трансильванию того времени 900 тысяч населения, Фесслер число валахов определяет в полмиллиона, как и в его время¹, конечно, цифра, действительности отвечать не могущая.

В самом деле, остановимся еще раз на карте Трансильвании. Мы видели, какой массой топографических имен представляется на ней славянская стихия. В соображении всех приведенных обстоятельств эта славянская стихия должна быть одного характера – русского. Действительно, обратимся только к поражающей наблюдателя рассеянности имени «русский» в топонимии Трансильвании, притом с самым разнообразным применением. Но труд это уже сделан для нас г. Пичем в упоминавшемся выше мемуаре «Дакийские славяне и чергедские болгары», с применением специальной карты распространения слова «русский» в географических именах Трансильвании, почему мы позволим себе ограничиться одними выдержками оттуда.

«Второй, в высшей степени важный источник для того, чтобы кое-что узнать о давно исчезнувшем населении, это географическая номенклатура, которая перешла к следующим позже этническим наслоениям. Я рассмотрел потому карту Генерального штаба, и, несмотря на ее неполноту, уже из этого недостаточного материала вытекает поражающий факт, что Трансильвания во время болгарского (!) периода, если не раньше, была заселена главным образом *племенем русским* (von den Volksstamm der Russen)...». «Многочисленная номенклатура Седмиградия, – продолжает г. Пич, – которая как в периферии страны, так и в ее центре сохранила по сегодняшний день имя русского племени, предлагает нам безошибочное свидетельство, что славянское племя жило когда-то в Трансильвании и владело этой землей. Но при этом мы, понятно, имеем дело с иско-

¹ «Geschichte der Ungern», IV. Theil, p. 1126 и так же p., примеч. «О численности валахов в конце прошл. столетия» см. у нас выше.

ни славянским племенем русских, а не с так называемыми варяго-руссами...»¹.

Населенные места с именем «русский»:

Ruszka, Reusmarkt, Reussdörfel, Rusz, Oroszfalu, Rustilor, Rossia, Rusesti (2 паза), Ruszesti, Rosieri, Oroszi, Reussdorf, Oroszhegy, Also-Oroszi, Rossia, Ros-tosi, Rustioru, Orosz-Idecs, Rusu-munti, Russ-flore, Rusu, Ruszkeg, Borgo-Rusz, Ros - итого 25 названий.

Горы, возвышения с именем «русский»:

Ruszkica, Stina Rosca, Rossiile, la Rusielu, Rusului, Rosz-eszlana, Rusei, Rustilor, Rusciu, Rusciului, Mora Rusesti, Rusu, Orosz-hegy, Rosiani (2 паза), Rusinosa (2 паза), Rusino, Ros-tele, Rusiloru, Oroszbükk, Ruziloru, Rusci, la Ruseni, Rusilor, piatra Rossi, plaiu Russului - итого 27 названий.

Речки с именем «русский»:

Russbach, fontina Roschi — 2 названия.

Если населенные места могли получить свое русское имя случайно, напр. от русских пленных, переселенцев, то всякая подобная случайность немыслима, раз идет речь о названиях гор, разбросанных по всей стране; такие названия могли появиться лишь при условии, что всюду жило автохтонное славяно-русское население. Эти названия показывают, что страна была близка, была своей тому народу, который ее горам давал свои русские имена, и что эти орографические имена несравненно должны быть старше подобных имен для населенных мест. Но если основание *Rusmarkt'a*, *Forum Ruthenorum* относится к началу XIII столетия, то русские имена гор должны были появиться в обиходе жителей Трансильвании еще раньше. Таким косвенным путем мы получим указание на существование имени «русский» ранее XIII столетия.

Наконец, некоторые «*vestigia*» русского имени мы найдем и в самих грамотах XIII века.

Так, в грамоте 1228 года, в перечислении гор: «...mons Csuz-berez, caput Bodgt, *Ruscia*, Okar...». В юго-западном углу Трансильвании, выше Железovorотного прохода (*Eisenthorpass*) и теперь возвышается Русская гора, *Russberg*, еще выше *Pojana Rusca* (т. е. Поляна

¹ Р. 249, 254. Конечно, этим мемуаром г. Пича мы воспользовались при печатании настоящего реферата, а не при докладе его на съезде, ибо он вышел лишь летом 1888 года, т.е. через год. Г. Пич работал независимо от нас; если же мы в общем пришли к одному результату — о туземности русской стихии в Трансильвании, тем большее, кажется, значение имеет этот результат. Таким образом, с уважаемым исследователем мы сошлись в главном выводе, расходясь с ним в его румынофильстве, как это видно из предшествующего нашего изложения и в некоторых побочных вопросах.

Русская). У подошвы этой горы вытекает Черный поток, образующий затем историческую Черну — из эпохи имп. Траяна...

В грамоте 1278 года (№ CXVIII), в описании границ вотчины: «...et procedit usque terram Michaelis filii Ruoz Kuchard uocatam... et in *dumbo potaco* descendit...». *Ruoz* = рус, русский. Ср. в грамоте между 1290—1301 годами (№ CCXXVIII) *villa Rusckmark* = *Forum Ruthenorum*¹.

Наконец, к слову о *Forum Ruthenorum* прибавим, что вблизи него лежит теперь одно немецкое поселение, но основание которому положили, вероятно, тоже русские. Это *Toportscha*, иначе, в обезображенном виде, *Schaportsch*. Впрочем, на «*Tabula generalis*» и в «*Repertorium*» Липского еще правильно *Topertsch*. У мадьяр также правильно *Toporcsa*. Уже с 1593 года здесь лютеранские пасторы². Почему же основатели — русские? Потому, что слово *топор* иранского происхождения и, вероятно, через скифов войдя в состав русского языка, не переходит этнографической области последнего.

В заключение сделаем отважное припоминание.

Между городов древней Дакии импер. Траяна, которые обыкновенно оканчиваются на словцо *dava*, был город *Rusi-dava*. Киперт помещает его на Алуте, в нынешней Валахии, между *Burridava* на севере и *Acidava* на юге. У Спрунер-Менке *Rusidava* на Алуте же, но повыше к северу, у самых гор³.

Настоящим докладом мы имели в виду обратить внимание русских историков на забытую русской наукой русскую стихию в далеком Придунайском Залесье, в надежде, что совокупными трудами историков и филологов вопрос об имени «русский», о начальном происхождении имени Русской земли и самого народа получит более естественное разрешение, чем какое дается этому вопросу обыкновенно.

Источник: Кочубинский А.А. О русском племени в Дунайском Залесье// Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. Т. 2. / Под ред. графини Р.С. Уваровой. М.: Типография. Э. Леснера и Ю. Романа. 1891. С. 9—66.

Source: Kochubinskii A.A. Regarding the Russian Tribe in the Danubian “Lands Beyond the Woods” in: Uvarova, P.S. (ed.) *Trudy Sed'mogo arkheologicheskogo s'ezda v Yaroslavle [Proceedings of the Seventh Archeological Congress in Yaroslavl]*. Moscow: Printing house of E. Lesner and Yu. Roman. pp. 9—66.

¹ *Deutsch-Firnhaber*, op. c.

² «Siebenbürgische Provinzial-Blätter», B. III, p. 146.

³ Kiepert «Imperii Romani tabula geographica», 1876; Spruner-Menke «Atlas antiquus», ed. III, 1865.

Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – уроженец Кишинева, русский историк, филолог, славист, профессор кафедры славяноведения Новороссийского университета, действительный статский советник. Автор многочисленных трудов по истории славяноведения, языкознанию, истории западных славян и южных славян. Ряд работ ученого посвящен истории и языку русинов Карпатской Руси и Трансильвании, а также Молдавского княжества (Бессарабии). Благодаря А. Кочубинскому в научный оборот были введены новые источники по истории русинов.

Aleksandr A. Kochubinskii (1845–1907) – born in Kishinev, a Russian historian, philologist, slavist, professor of the New-Russian University of the Faculty of Slavic Studies, actual state advisor. Author of numerous works in the history of Slavistics, linguistics, history of the Western and Southern Slavs. A series of the scholar's works were dedicated to the history and language of the Rusins of the Carpathian Rus' and Transylvania as well as of the Moldavian Principality (Bessarabia). Thanks to A. Kochubinskii new sources regarding the history of the Rusins were brought into scholarly circles.